

A close-up photograph of a marble statue of a bearded man, likely a classical Greek or Roman figure. The man has a thick, curly beard and a stern expression. He is shown from the chest up, with his torso and right arm visible. The background shows architectural elements like columns.

16+

Елена Чечеткина

**СВЕРХНОВЫЕ СКАЗКИ
НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Елена Александровна Чечёткина

Сверхновые сказки не нашего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57478462

SelfPub; 2020

Аннотация

Это третий сборник из серии «Сказки не нашего времени» и, похоже, последний. Потому что сверхновая – это всегда конец: звезда взрывается, а дальше – уж как получится. Так что читайте «Сверхновые сказки» поскорее: мало ли что и когда взорвётся... А что касается содержания, тут всё как обычно – приключения на Земле и в Космосе, в загробном мире и в дебрях человеческой (и драконьей) психики. Автор надеется не только развлечь читателя, но и дать пищу для размышлений тем, кто в такой пище нуждается. Фотография на обложке: фрагмент статуи Микеланджело «Вечер», Капелла Медичи, Флоренция. Сделана автором.

Содержание

Вечер во Флоренции	4
Суд идёт!	20
Чистый кошмар	24
Ромашка	37
Навестить Марию	53
Только не психоанализ!	75
Два блокнота	78
Пси-сказка	95
Такое время	100

Вечер во Флоренции

Туристы – странный народ. Вот я, к примеру. Страшно люблю путешествовать, поэтому раньше, когда был в исходном состоянии, каждое лето улетал за рубеж хоть на несколько дней, насколько позволяли финансы. Весь остальной год я предвкушал свой летний бросок: читал путеводители, рыскал по интернету, выбирал маршруты. В некоторые города меня тянуло вернуться, но большинство оставалось одноразовым восхитительным воспоминанием...

Я с наслаждением перебирал города Земли, как сейчас перебираю чётки из тяжёлого маслянистого оливкового дерева, и меня почему-то совсем не занимало, почему я так мало знаю свой собственный город. Да ничего я в нём и не знал, кроме мест своего детства и юности и тех достопримечательностей, куда водили наш класс для «культурного развития». С тех далёких времён я возненавидел коллективные экскурсии, да и достопримечательности тоже. Когда поднялся «железный занавес», я открыл свой личный туристический сезон. Теперь я сам мог выбирать куда ходить и что смотреть. Своими глазами увидеть те страны, с которыми был «знаком» с детства: от Греции, родины богов и героев, до Америки, страны золотоискателей и индейцев.

Тем летом меня неудержимо потянуло во Флоренцию. На-

до сказать, что в предыдущем году я уже побывал здесь, проездом из Рима. Пары часов между поездами мне хватило, чтобы попасть в плен этого невероятного города. А ведь я просто прогулялся по улицам – благо вокзал Санта Мария Новелла «въезжал» прямо в город, в его исторический центр. Тогда я успел пройти только от церкви (той самой Санта Мария Новелла) через радостно-величественную Соборную площадь и площадь Синьории со средневековым замком до знаменитого моста Понте де Веккио – и обратно. Этого оказалось достаточно: я поклялся сюда вернуться. Сдержать клятву было легко: когда в московских снах я вновь бродил по Флоренции, то просыпался с улыбкой на губах и тянущей тоской в сердце.

Чтобы не стоять в очередях, которых достаточно навиделся во время той предварительной прогулки, я заранее заказал билеты в Капеллу Медичи, галерею Академии и галерею Уффици. Все сеансы на утренние часы, чтобы меньше народу, и на свежую голову. Я специально ограничился одним музеем в день: меня слегка насторожила непонятная и возрастающая с каждым днём тяга вернуться. Тем более, что в сети я наткнулся на упоминание о странной особенности этого города. Оказывается, Флоренция считается самым опасным для туристов городом в смысле сохранения психического здоровья – на неё приходится аномально высокое число гостей, госпитализированных с острым психическим расстройством.

В первое своё утро во Флоренции я отправился в Капеллу Медичи. Там всё и началось.

Двухголовая Капелла – большой купол и поменьше – состоит из Капеллы Принцев и Новой Сакристии. Эта последняя создана Микеланджело, и нацеливался я именно на неё. Однако попасть туда можно было только пройдя мимо Капеллы Принцев. Не заглянуть в неё по пути к Микеланджело казалось глупым: ведь я читал в сети множество восторженных отзывов. Да, это оказалась невероятно роскошная гигантская шкатулка, попав в которую неосторожный турист рисковал завязнуть надолго, как муха в блюде с мёдом. Восхищённые глаза требовали смотреть ещё и ещё – на пол и стены, изукрашенные каменными узорами, на высоченный потолок с возносящимися фигурами на фресках.

Обойдя «шкатулку» в третий раз, я почувствовал себя достаточно опустошённым, чтобы без затаённого страха (а вдруг все эти восторги ценителей окажутся пустышкой?) перейти в Сакристию. Контраст был разительным: разноцветная роскошь – и предельная простота. Только белое и чёрное. Четыре обнаженные фигуры возлежали попарно на двух саркофагах: Ночь и День, Утро и Вечер. Мрамор был как живая плоть, каждая фигура вызывала... Не могу подобрать слова, да и слов не требовалось – это был какой-то другой уровень общения, мне ещё незнакомый. Я просто переходил от фигуры к фигуре и впитывал исходящее от каждой послание, даже не пытаюсь расшифровать его.

Завершив круг, я вновь подошёл к Вечеру. Меня удивила разница между головой статуи и телом. Разница в обработке поверхности. Великолепное, свободно раскинувшееся тело выглядело совершенно человеческим – с переливающимися друг в друга мускулами под безупречно гладкой кожей. Но вот голова... Я знал, что это автопортрет, только немного исправленный – Микеланджело выпрямил свой нос, перебитый еще когда он был подростком, обучавшимся искусству ваяния в садах Медичи. Но почему тогда он не отполировал голову так же, как и тело? Кстати, голова Дня выглядела ещё более «незаконченной» – грубые контуры и лишь намёк на взгляд, требовательный и грозный. В то же время головы двух женских фигур – Ночи и Утра – были отделаны столь же безупречно, как и тела. Почему именно мужчины – Вечер и День – остались «незаконченными»?

Стремясь понять послание скульптора, я приблизился к Вечеру насколько позволяло ограждение, и попытался поймать его взгляд. Удивительно, но первоначально лишь намеченные глаза становились всё более определёнными и живыми, и скоро мы уже смотрели прямо друг на друга. Слегка испугавшись, я попытался отвести взгляд, и не смог. Тут я уже испугался по-настоящему, а потом испуг перешёл в панику, когда стены (я их видел боковым зрением) растворились и вернулись изменёнными. Я оказался в «шкатулке», наподобие той, откуда пришёл, только поменьше. Неторопливо растворилась и она, а потом две «декорации» стали сменять

друг друга с возрастающей скоростью. Я почувствовал, что теряю сознание, и только тогда сумел разорвать зрительную связь с Вечером.

Ко мне уже спешил зритель, до того незаметно сидящий на стуле у противоположной закрытой двери. Я смущённо пробормотал: «Thank you, I'm OK!» и вышел в ту же дверь, откуда пришёл – единственный открытый вход и одновременно выход. «Не хватало только чтобы меня взяли в Сакристии, вроде того спятившего туриста, которого повязали на Понто де Веккио» – повторял я про себя, почти бегом выбираясь из Капеллы.

На улице мне сразу полегчало. Хотя было жарко, я даже озяб немного в своей насквозь промокшей от пота летней рубашке. Но лёгкая ткань быстро просохла, да и окружающее вошло в обычные рамки: узкие средневековые улочки, заполненные туристами, переходили в уютные перекрёстки и площади, украшенные дворцами, церквями и изваяниями. Вскоре я перешёл на обычный шаг и огляделся. Я оказался на площади Синьории напротив Палаццо Веккио, где и провёл следующий час, сидя в кафе. После второго бокала вина и третьей чашки кофе я совершенно успокоился. «Избыток зрительных впечатлений», – поставил я диагноз и прописал себе послеобеденную прогулку по садам Боболи.

Позже, когда я бродил по аллеям великолепного парка, неприятное чувство, что меня каким-то образом поймали в ловушку, отравляло прогулку и мешало безмятежно насла-

ждать изысканной красотой ландшафта. Я припоминал, что в прежних своих странствиях никогда не испытывал ничего похожего на сегодняшний утренний срыв. Раньше, когда мозг уставал от многочасового созерцания произведений искусства или красот архитектуры – он просто переставал воспринимать новое, и я понимал, что на сегодня хватит. Откуда такая стремительная и ненормальная вовлечённость? Слово «ненормальная» мне не понравилось, и я до одури выгуливал себя по парку, а после его закрытия – по темнеющим улицам Флоренции. Вернувшись в отель, я принял душ, повалился в постель и мгновенно заснул.

Обычно я не запоминаю своих снов – они улечувиваются через несколько минут после пробуждения. Этот сон был иным. Я бы и хотел его забыть, но не мог. Я открыл глаза в огромном зале – это была церковь, украшенная великолепными фресками. Одну я узнал сразу, по репродукциям. Мазаччо, «Собирание подати», церковь дель Кармине. Группа художников сидя на стульях копировала фреску. Картина обычная для Флоренции. Но вот что было необычно – то, как они одеты. Не джинсы и футболки, а длинные свободные рубахи и ... боже мой, колготки, лосины? Я вспомнил полузабытое слово «рейтузы». Я подошел поближе и обнаружил вторую странность: молодые художники, почти мальчишки, переговаривались по-итальянски, но я всё понимал, хотя совсем не знал языка!

Самый маленький из копировальщиков сидел сбоку, и всё пытался отодвинуться от своего старшего товарища – это был молодой, прекрасно сложенный щёголь, который, казалось, не столько занимался рисованием, сколько желал пообщаться с приятелем. Тот отвечал всё более раздражённо и резко.

– Да, ты рисуешь лучше меня – так не мешай мне поучиться.

– Ты совсем загордился, Микеланджело, попав во дворец! Раньше ты льнул ко мне, я был центр твоей вселенной...

– Ты никогда не был центром моей вселенной, – изумился младший.

– Был! А теперь твой центр Лоренцо Великолепный. Такой большой человек. А ведь раньше это я был для тебя большим человеком, хотя бы признай это, предатель!

– Чем больше человек, тем больше вони! – не удержался Микеланджело.

Я знал, что будет дальше, но не мог сдвинуться с места. Тем временем молодой щёголь резко вскочил (его стул отлетел в сторону), притянул к себе тщедушное тело обидчика и ударил его кулаком в лицо, прямо в глаза. Тот рухнул на пол. Потекла кровь и что-то белое из разбитого черепа.

– Это неправильно! – закричал я. – Торриджани разбил ему нос, только нос!!!

Никто меня не услышал. К упавшему кинулись его товарищи и старик-учитель («Бертольдо» – подумал я). Старик

наклонился к телу, а потом яростно крикнул в лицо остолбеневшему Торриджани: «Что ты наделал!» Тот круто развернулся и выскочил из дверей церкви.

Потрясённый, как в тумане, я наблюдал начавшуюся суматоху: выбегали и вбегали люди. Наконец Микеланджело подняли и унесли. Церковь опустела. Остался только Бертольдо. Он неожиданно повернулся ко мне и приблизился.

– Вот так умер мой лучший ученик, мой пропуск в бессмертие. Не будет Пиеты и Давида, Моисея и Вечера – ничего не будет.

– Чушь, – возразил я, – всё это будет. Я точно знаю.

– Да? Тогда поговорим завтра, – ответил Бертольдо. И растворился, вместе с церковью.

«Чушь!» – повторил я, проснувшись следующим утром, моим вторым утром во Флоренции. «Сейчас позавтракаю и пойду к Давиду!»

Раннее утро было чудесным: радостная синева безоблачного неба, лёгкий ветерок и полупустые улицы, которые только готовились к наплыву туристов. Я чувствовал себя великолепно. Если вчера Флоренция и нанесла мне рану – она же её и залечила. Я наслаждался прогулкой и был уверен, что ничего плохого и странного сегодня со мной уже не случится. А вчерашний морок и сон – это была просто акклиматизация. Очень уж необычный город. Совершенно новый для меня опыт. Да, крыша слегка поехала, но теперь

прочно встала на место.

Я вышел на соборную площадь – поприветствовал сияющую громаду Собора с его устремлённым к небу кружевным порталом, обогнул дворец Риккардо-Медичи и по *via Savour* вышел прямо к церкви Сан-Марко. Во времена Микеланджело это был монастырь, и именно здесь угнездился Савонарола, монах-проповедник, разрушитель Флоренции. Тот самый, который сжигал на кострах предметы роскоши и греховные произведения искусства – а на его вкус почти всё жизнерадостное искусство флорентийцев было греховным. Он сумел заразить жителей своей злобой и нетерпимостью. Лоренцо Великолепный умер, Микеланджело бежал и вернулся лишь через много лет. Вернулся, чтобы создать Давида – символ возрождённой Флоренции. Я шёл к Давиду, который хранился теперь в Академии, в специально построенной для него ротонде. Я шёл к Давиду!

Немного не доходя до Сан-Марко, я свернул направо и вскоре уже входил в фойе галереи Академии. Обменяв свой ваучер на билет, я вступил в коридор-галерею, уставленную по бокам мраморными статуями по пути к венчающей галерею ротонде Давида.

Давида не было. Не было и самой ротонды – коридор оканчивался обычным залом, вернее, перпендикулярным коридором, увешанным картинами с классическими сюжетами: снятие с креста, вознесение, и так далее. Всё же сон меня подготовил – сознания я не потерял, только сердце ухнуло

вниз, потом вернулось на место, колотясь сильно и быстро. Чтобы успокоиться, я уселся на лавочку в коридоре с картинами и тупо уставился на группу у подножия креста, живописно демонстрирующую свою скорбь. «А раньше вы где были?» – злобно прошипел я им и занялся собственными проблемами.

Проблем было две: это реальность или бред и (после решения первой) что мне теперь делать? Первую проблему я попросту обесценил как несущественную в сложившихся обстоятельствах и занялся второй. Вопрос ставился так: мог ли я принять мир без Микеланджело – или не мог? Я помнил репродукции всех знаменитых статуй Микеланджело, но репродукции – это совсем не то, что оригинал. В этом я убедился вчера в Новой Сакристии. Но теперь, после смерти юного скульптора, и репродукций не будет. Я чувствовал себя ограбленным. «Да, Бертольдо, да! Давай сделаем это!» – сказал я про себя и двинулся к выходу, даже не заглянув в другие залы галереи. Меня совсем не удивило, что статуи по бокам были вовсе не «Рабы» Микеланджело, а античные изваяния. Они были прекрасны, эти мраморные мужчины и женщины, но лишены глубокого чувства и мысли. Того «послания», которое так мощно проявилось вчера, во время моей встречи с Вечером.

Я еле дождался ночи. Конечно, я не вернулся в отель после шока в Академии: как бы там ни было, мой самолёт улетал послезавтра. Поэтому времени терять не следовало, и я

нагулялся вволю. Сначала направился в Ольтарно, что означает – с другой стороны Арно, реки, рассекающей Флоренцию на две примерно равные части. Перейдя Арно по мосту Понте Веккио, я свернул налево и прошёл по набережной до старинной башни, от которой узкие улочки с редко проезжавшими по ним автомобилями и туристическими автобусами, петляя, устремлялись вверх – к площади Микеланджело. Разумеется, теперь такой площади не было, как не было и бронзовой копии Давида в её центре. Но смотровые площадки сохранились, и гомонящие туристы так же заполняли их, нацелив свои смартфоны на великолепную панораму города, а заодно на себя и своих друзей.

Прямо передо мной внизу лежал квартал Санта Кроче. Там он родился, там жил его отец с многочисленными домочадцами, там – в церкви Санта Кроче должна была быть гробница самого Микеланджело. Я не сомневался, что теперь её нет, только гробницы других великих сынов Флоренции – Галилея и Макиавелли. «Ты тоже будешь лежать в своей церкви, после того как проживёшь свои 90 лет и выполнишь своё предназначение», – пообещал я Микеланджело.

Поэтому, когда во сне мне явился Бертольдо, я и рта не дал ему раскрыть.

– Да, я согласен, – сказал я, – Что надо сделать?

Бертольдо улыбнулся:

– Ну что ж, я сделал верный выбор. Ты принадлежишь к нашей гильдии.

– Какой ещё гильдии? – удивился я.

– Гильдии художников. Ты ведь скульптор по дереву.

– Я простой реставратор старинной мебели, – возразил я.

– Ты художник по дереву. По сути такой же, как простые каменотёсы, которые с таким мастерством и любовью обрабатывали каждый камень для постройки нашей Флоренции. Вспомни наши старинные мостовые, дворцы, дома, мосты... Неужели ты думаешь, что такое чудо, как Флоренция, могло существовать без любви, вложенной её жителями в каждую частицу, малую и большую, неприметную и великую?

– Хорошо. Конечно, я умею работать с деревом. И что из этого?

– Стул.

– Стул?

– Стул Торриджани. Ну, до чего ты недогадлив! Надо подправить ножку. Так, чтобы, когда он вскочит, ножка сломалась. Удар Торриджани будет ослаблен и сбит – глаза и мозг Микеланджело не пострадают.

В принципе, это было возможно. Я подошёл к стульям, по видимому, оставленным учениками Бертольдо, чтобы завтра продолжить работу над копированием фрески. Взялся за верхнюю перекладину стула Торриджани – моя рука прошла сквозь неё. Сзади послышался смешок Бертольдо:

– Ты же во сне, не забывай об этом!

– Ну и что же я тогда могу сделать?! – с яростью обернулся я к нему.

– Перейти в реальность.

– Как?!

– Так же, как ты перешёл в этот сон. Ты заснёшь здесь, в этой нише, и проснёшься с первыми лучами солнца. Проснёшься в тот самый день, когда Торриджани нанёс свой удар. Найдешь рядом все необходимые инструменты, поработаешь со стулом, и вернёшься в нишу. Дождёшься учеников, дождёшься ссоры. Ты же захочешь оценить результат своей работы?

– Конечно. Но что потом? Я вернусь домой?

Бертольдо только улыбнулся и стал растворяться в воздухе. Я остался один в пустой церкви. Свет за окнами меркнул – наступала ночь.

Я проснулся не в отеле, а на твёрдом полу, завёрнутый в какую-то хламиду. Жёсткая ткань противно щекотала тело. В церкви слегка посветлело: рассвет. Рядом, как и обещал Бертольдо, лежали инструменты и две баночки, со светлой и тёмной жидкостью. «Клей и морилка, – определил я, – Старик всё продумал!»

Стул оказался из жесткого, но послушного резцу дерева, похожего на дуб. Я быстро прикинул конструкцию выемки, которая обеспечивала устойчивость при обычной вертикальной нагрузке, но вызывала мгновенное разрушение ножки при резком толчке сверху-назад. То движение Торриджани, перед тем как он нанёс свой убийственный удар, стояло пе-

ред моими глазами пока руки быстро и уверенно выполняли работу: вырезать нужный кусок, вставить его обратно, закрепить капелькой клея и закрасив морилкой свежий разрез. Закончив, я отступил назад в нишу и стал ждать.

Площадь перед церковью постепенно пробуждалась: ранние торговцы зазывали первых покупателей, перекликались соседи. Наконец, в дверях появилась шумная группа юношей, смеясь и подшучивая друг над другом. Сразу присмирив под внимательным взглядом Бертольдо, молодые художники расселись по своим местам и принялись за работу. Что будет дальше я уже знал – до того момента, когда Торриджани вскочит со своего стула.

Да, я всё рассчитал и выполнил правильно: ножка подломилась и, хотя Торриджани сумел схватить Микеланджело и успел ударить его, но он промазал, отшатнувшись чтобы сохранить равновесие. Всё же удар был силён. Из разбитого носа Микеланджело потоком хлынула кровь. Его повело в сторону и, в попытке устоять, он цеплялся взглядом за уплывающие фрески на стенах. На миг его глаза встретились с моими, и я узнал этот взгляд – взгляд Вечера.

Картинка застыла: падающий Микеланджело, тупо уставившийся на него Торриджани, вскочившие со своих стульев ученики, бегущий к Микеланджело Бертольдо. Я снова не мог пошевелиться, как в том, первом сне. Только теперь это был не сон. Несомненно, я присутствовал здесь во плоти, я чувствовал себя реальным. А вот с остальными (или

со временем?) творилось что-то невероятное. И тут Бертольд раздвоился. От неподвижно-бегущей фигуры отделилась еще одна и подошла ко мне.

– Спасибо. Ты молодец, всё сделал правильно. Только не загордись: одному человеку такое не под силу. Вас целая армия, спасителей Микеланджело, и не только его. Чтобы костёр не погас, его надо постоянно поддерживать, и всегда находятся люди, которые способны на это. Гордись тем, что ты один из них. А вернёшься ли ты к себе – в своё время, я просто не знаю. Никто не знает, какое время притянет человека сильнее: его исходное или то, в котором он сделал изменение. Не смог не сделать. А сейчас уходи отсюда. Быстро!

Время пошло. Я выбежал из церкви вслед за Торриджани.

Теперь я знаю, что всю жизнь буду бродить по дорогам Тосканы и Ломбардии, и рад этому. Потому что очень люблю путешествовать, и меня совсем не тянет ни в мой родной город, ни в моё время. Я зарабатываю на жизнь резьбой по дереву, и совершенствуюсь в этом деле. Начав с простой крестьянской мебели, теперь я вырезаю распятия и даже статуи. Конечно, это библейские персонажи, как требуют заказчики, но всё же я не простой иллюстратор: это было бы слишком скучно и не доставило бы мне никакого удовольствия. А в смысле удовольствий я стал настоящим флорентийцем.

Я путешествоую из города в город, из селения в селение, но каждый год возвращаюсь в свою любимую Флоренцию – во времена войны и мира, процветания и чумы, благоденствия и смуты. Я так и не увидел галерею Уффици, и уже не увижу – её построят и заполнят произведениями искусства гораздо позже. Зато я был свидетелем того, как Давида установили на площади Синьории, у входа в Палаццо Веккио. Толпа застыла в благоговейном молчании, когда со статуи упал покров, и Гигант изготовился к броску, не уверенный в победе, но полный отваги и решимости бороться за неё. В последнее моё посещение Флоренции Новая Сакрестия была уже готова и открыта. Я снова увидел Вечер – только что отполированную статую из белоснежного сияющего мрамора.

Суд идёт!

Гаад вполз в переговорную и расположился напротив своего подзащитного, аккуратно расправив кольца. Как обычно, на него сразу же обрушился поток мыслей клиента: «Изыди, Сатана! Иже еси на небеси... Чёрт! Дальше забыл!» Гаад быстро задвинул ментальную заглушку и прошипел в транслейтор:

– Здравствуйте, Иван Тихонович! Давайте продолжим.

– За что!? – возопил Иван. – Почему я попал сюда? Я же хороший, лучше многих! Родил сына (даже двух), посадил дерево (ещё пацаном, на школьном субботнике). – Он запнулся: забыл, как там дальше.

– Да-да, – терпеливо ответил Гаад, – мы это уже обсуждали. Эти данные, несомненно, в вашу пользу и я их непременно представлю. Но, видите ли, наш суд устроен немного иначе, чем у вас на Земле. То, что вы сделали – и хорошие дела, и плохие – всё это учитывается. Но главный аргумент – то, что вы НЕ сделали. Хотя и могли. Давайте, я сам буду задавать вам вопросы, а вы отвечайте.

О том, что имеют смысл только честные ответы, Гаад, конечно, говорить клиенту не стал. Если тот узнает о телепатии, в его мыслях забурлит такая каша, что семи дознавателям не разобраться. Иногда начинающие адвокаты делают такую ошибку, но быстро понимают, что адвокатская эти-

ка требует как раз обратного. Этому не учат в институте. Это надо почувствовать на собственной чешуе. Одного раза вполне достаточно.

– Начнём с дерева.

– Да! Посадил! И ямку копал, и засыпал, и полил!

– А потом?

– Что потом?

– Поливали? Смотрели за ним?

– Я что, садовник? Дождик польёт. Захочет жить – выживет.

– Да... Давайте лучше о сыновьях.

– А что сыновья? Их поливать не надо. Семья и школа. Семья – жена, школа – районная, как у всех.

– То есть, воспитанием занималась жена. А вы?

– А то! Ремня оба попробовали, пока в ум не вошли.

– А за что – ремня?

– Ну старшенький, Борька, нормальный пацан был, только слишком шустрый. Пить я его культурно учил, отметьте там себе. Дома в холодильнике пива – пей не хочу! Так нет! Нажрался со своими дружками водки и пошли ларёк брать. Так в первый раз и загремел. Кровавый режим! Детей, и то не жалеют!

– В первый? А где он сейчас?

– Там же. Выходит из тюрьги ненадолго, повидаться с отцом, и снова... Я ж говорю: кровавый режим.

– Ну, ладно. А второй сын?

– Мишка неудачный уродился. Всё за книжками сидел. Дочков досиделся. Я его к ребятам во двор гоню, чтобы там... в общем, соци... социализация, а он ни в какую. Только ремнём!

– Где он сейчас?

– А шут его знает! Мать говорит, институт закончил, за границу уехал. Предатель!

– Расскажите о жене.

– Да что там рассказывать! Баба – она баба и есть. Мишку это она испортила. А может и не мой он, Мишка. Так ведь не признаётся,!

– А генетическую экспертизу делали?

– Чего?

– Ну, ладно, – вздохнул Гаад. – Пошли дальше...

– Лень, равнодушие, эгоизм. Тяжкие грехи, вы согласны? По закону душа, как неспособная к развитию, должна быть вычеркнута из реестра.

– Да, Ваша Честь, – ответил Гаад. – Но прошу учесть смягчающие обстоятельства, возникшие вследствие тяжёлых родоплеменных условий существования моего подзащитного. Поэтому я просил бы дать его душе еще одну попытку. Последнюю. Но в другой стране. Кроме того, Ваша Честь, ...

– Достаточно, – прервал Верховный. – Суд идёт!

Все встали. Дрожащий землянин еле держался на ногах. Гаад снял заглушку и сразу же захлопнул, потому что клиент орал дурным ментальным голосом: «Всё пропало! В ад! На сковороду!»

– Решение Суда: землянин признан виновным, но с учётом смягчающих обстоятельств ему разрешено родиться ещё раз, в более цивилизованной среде. Иван, сын человеческий! Ты возродишься как Ян в Чехии. Иди и больше не греши!

– Благодарю тебя, Господи! – бухнулся Иван на колени и принялся колотить лбом об пол. «У чехов пиво хорошее» – успел поймать последнюю мысль подзащитного Гаад перед тем, как тот исчез.

– Следующий! – вызвал Верховный.

Чистый кошмар

Роберт и Стью разбирали вещи своего недавно умершего родственника – дальнего кузена, как они его для себя называли. Дальнего не только по цепочке родства, но и по отношениям, точнее, по почти полному отсутствию оных. И всё-таки Роберту он нравился: чудак его интриговал – и своей необычностью, и своей писаниной, которую Роберт иногда почитывал, и не без удовольствия. Стью пошёл за компанию, а вот жена Роба категорически отказалась присоединиться, состроив презрительную гримасу: «И что вы думаете там отыскать, у этого психа? Лучше вызовите команду уборщиков, а потом ремонтников. Скорее начнём сдавать квартиру – скорее получим деньги». Но Роберт не согласился: деньги деньгами, но надо же оказать усопшему хоть минимальное уважение. Видит Бог, семья полностью отказывала ему в этом при жизни.

Мать Говарда стала паршивой овцой после того, как выскочила замуж за своего коммивояжёра. Так ведь семья оказалась права: тот оказался в психушке, оставив жену и двухлетнего ребёнка. Они готовы были принять её обратно, с соответствующим покаянием, но гордячка отказалась и стала сама работать и воспитывать сына. И чем же всё закончилось? Сама оказалась в психушке, да и сын чудом избежал той же участи. Чудом? Роберт улыбнулся. Никаких чудес:

парень работал, как вол, и боролся, и сумел умереть своей смертью в своём доме. Правда рано: по нынешним временам 47 лет – не срок. Но для Говарда и это удивительно много, с его-то монстрами. Не жизнь, а чистый кошмар!

Своё детство Говард помнил плохо, урывками. Лучше всего помнил деда и его рассказы о путешествиях. Он сохранил все диковинки, которые дед привёз из своих странствий – это был его мир в детстве, да и сейчас во многом тоже. Он брал в руки вещицу, всматривался в неё и начинал слышать голос деда, рассказывавшего очередную удивительную историю – иногда смешную, иногда страшную. Правда, когда дед заметил, что внук кричит по ночам, он перестал рассказывать страшные и осторожно допытался у мальчика, что ему снится.

– Монстры! – шёпотом (чтобы не испугать маму) кричал мальчик. – Они выходят из моря и гонятся за мной; и в море, и потом. Они могут двигаться по суше! Они невидимы для остальных. Они прячутся в наших комнатах и показываются мне, когда темно.

– Если темно, ты не можешь их видеть, – рассудительно заметил дед.

– Я их чувствую.

– Как?

– Не знаю. Просто чувствую, когда они подкрадываются,

и даже просто если они в комнате

– Пошли, – сказал дед и мягко, но решительно взял его за руку. – Сейчас вечер, в комнатах темно. Покажи мне своих монстров.

– Не хочу показывать!

– Тогда сходи сам, прямо сейчас. Если они снова начнут тебя пугать, крикни мне – я их прогоню, я знаю как.

Говард с сомнением посмотрел на деда, но пошёл. И что же? Никаких монстров наяву он больше не видел, и даже не чувствовал. Они полностью переселились в его сны, но как только он говорил им там, что позовёт дедушку, твари быстро исчезали. А когда дед умер, и они отказывались исчезать, Говард уже нашел свой способ борьбы с чудовищами. Он стал их описывать – переносить в реальность, под яркий свет своего воображения. В этих ментальных клетках – его рукописях – монстры жили, становясь безопасными для него. Правда, сны рождали новых чудовищ или возрождали старых. Ну что ж! Проснувшись, он с мстительным удовольствием заключал их всех в свою прозу, окружая там атрибутами реальности, артефактами научного познания мира – острейшим оружием против порождений ночных кошмаров.

И всё-таки жить было очень трудно. Нельзя же всё время писать! К тому же надо было зарабатывать на жизнь, превращая тем самым занятия литературой в подённый труд – он правил и перепечатывал чужие рукописи, и как же он это ненавидел! Мысли о самоубийстве посещали всё чаще. Он

понимал, что живёт нездоровой жизнью – но это потому, что исходно был нездоров. Чего скрывать от себя – болен психически, тут даже Фрейда не надо было для диагностики, сам Говард с его аналитическим умом и обширными, хотя и отрывочными, научными знаниями вполне осознавал свои проблемы и ограниченность того способа, которым он их решал. Требовалось общение с живыми людьми, погружение в реальный мир – но его психическая природа протестовала. Попытка женитьбы была, конечно, полезна для его творчества, но совместная жизнь продолжалась недолго, хотя с Лорен они расстались вполне мирно – и к обоюдному удовольствию.

Самое большее, что он мог постоянно практиковать на пути общения – это обширная переписка, сначала с матерью (она охотно отвечала ему из своей клиники), затем с другими корреспондентами (к его удивлению, многие значительные люди, в том числе успешные писатели, поддерживали переписку). И это помогало, но не очень, и Говард уже стоял на краю, когда неожиданно получил поддержку из иной реальности, в которой обитают, оказывается, не одни только монстры.

– Смотри, Роб! – воскликнул Стью, – Ты когда-нибудь видел такое?

Он протянул Роберту плоскую чёрную плитку величиной

с ладонь. Края закруглены; матовый, приятный на ощупь материал не походил ни на металл, ни на дерево. Возможно, какой-то минерал из дедовой коллекции диковинок, которыми они уже почти заполнили шляпную коробку, оставшуюся от Лорен. Но почему такая странная форма? Заметив щель, идущую по торцу плитки, они попытались её раскрыть, но не получилось.

– Ладно, Стюард, – сказал Роберт, – положи пока в коробку, потом разберёмся. Тут ещё столько работы, дай бог до ночи управиться. Главное – рукописи и письма. Помяни моё слово: мы ещё выручим за них кучу денег, по крайней мере за письма. Он ведь с такими шишками переписывался! Как-то случайно мне сказал – я вначале просто не поверил. Но ты ведь знаешь: Говард никогда не врёт. Не врал...

И они перешли к ящикам письменного стола, а потом к бюро. Забирали все бумаги, не глядя (потом, потом!) и складывали в чемодан. Когда закончили с бумагами, остались только старый диван, фотография деда над диваном, письменный стол и шкаф с одиноким старым костюмом. В новом, приличном, его хоронили. В кухне и ванной тоже брать было нечего, если не считать свидетелей болезни: пузырьков и баночек с лекарствами, перевязочных материалов, каких-то медицинских приспособлений. Роберт грустно оглядел покинутую квартиру, шепнул себе под нос: «Прощай, Говард!» и обратился к Стюарду:

– Пошли, Стю. Закончили. Теперь можно запускать Нор-

му. Ты забирай чемодан, а я – коробку. Норма просто звереет, когда слышит о Говарде. Выбросит она его бумаги, как пить дать. А дедовы диковинки, думаю, не тронет; поставлю коробку в своей комнате, скажу, что это мои детские игрушки. Случайно, мол, нашёл у Говарда – сам отдал ему на хранение, когда переезжал, и забыл.

Теперь он спал только днём – тогда кошмары становились менее интенсивными. Вставал вечером, обедал, несколько часов писал, а потом выходил на прогулку. Людей на улицах ночного Портленда было мало, и это его вполне устраивало. Таких, как он, просто гуляющих, почти не было: люди торопились по своим делам, но их присутствие ободряло его. Тем более, что никто к нему не приставал, даже проститутки: они сразу чувствовали, что он – не их клиент.

Так он продержался ещё несколько лет. В мире происходили глобальные изменения: в России набирал силу монстр по имени Сталин; в Германии рвался к власти Гитлер, и тёмные волны начали захлёстывать культурную и интеллектуальную столицу мира, обратившуюся в огромного безмозглого удава, готовившегося задавить своими кольцами весь мир, задушить и переварить его. Говард всего этого почти не замечал – ему хватало непрерывной борьбы со своими собственными монстрами.

Сколько раз перед сном он просил, чтобы к нему пришёл

дедушка, но приходили только чудовища. Но человек не может всё время находиться в обществе чудовищ! Конечно, у него были знакомые, хотя бы в редакциях, на которые он работал и куда изредка приносил свои рассказы, и среди таких же, как он, неудачников-журналистов. Но знакомые – это не близкие люди, а близких людей после деда у него не было. Слишком тяжело далась ему смерть бабушка, деда, матери – он просто не мог пережить это ещё раз. Уж лучше ночные монстры. Семья... Он пытался, видит бог. И Лорен пыталась, но ничего не вышло. Как и с Робертом. Парень искренне хотел сблизиться, но Говард испугался. И всё-таки хотя бы единственный ценитель его странного творчества у него точно был, спасибо Роберту.

Он решил, что достаточно. Сегодня будет его последний день, точнее ночь – он просто шагнёт с портлендского мола в океаническую глубину, откуда его уже давно зовёт Ктулху. Он надеялся, что тело не найдут, что монстр не выдаст собственного создателя. Но даже если найдут, то спишут на несчастный случай: покойный любил гулять по ночам, задумался, перешагнул ограду, упал в море...

Говард дописал страницу, последний абзац: *«От этих любительских, нечётких фотографий, сделанных «Кодаком», исходила поистине магическая сила. Ни одна самая искусная подделка не произвела бы такого впечатления»* – и оставил блокнот раскрытым, придавив разворот камешком: пусть считают, что он просто вышел пройтись. Говард под-

нялся, но, поддавшись внезапно накатившей слабости, снова опустился на стул: на развороте блокнота вместо камешка мерцала странная плоская коробочка. Чёрная, матовая, с закруглёнными краями. Он притронулся к ней – мерцание прекратилось. Говард взял коробочку в руки, увидел на торце щель и еле заметную кнопку. Он нажал кнопку, и коробочка раскрылась. Одна из внутренних поверхностей казалась стеклянной. Он притронулся к ней – стекло засветилось изнутри, открыв неожиданную глубину, откуда ему приветливо улыбался человек – примерно его лет, но чем-то неуловимо отличающийся и от Говарда (это было нетрудно), и от его современников.

– Что это?! – невольно воскликнул Говард.

– Это смартфон, а я Эдди, – откликнулся человек в коробочке. – Привет, Говард! Не трясись. Я же не Ктулху, верно?

И человек рассмеялся, да так заразительно, что и Говард улыбнулся. Он уже забыл, как это делается. Лицевые мышцы, управлявшие улыбкой, как бы заржавели, но сработали.

– Вот и отлично! – бодро продолжал Эдди. – А говорили, ты не умеешь улыбаться.

– Оказывается, умею, – улыбнувшись еще раз (теперь дело пошло легче) сказал Говард. – А теперь объясни, что такое «мартфон», и откуда ты взялся? (Да еще именно сегодня, добавил он про себя).

– Что хорошо, – задумчиво сказал Эдди, – ты фантаст, причём с широким полем допущений. «Фантдопов», как мы

говорим. Мы – это любители фантастики, и мы любим твои книги, Говард Лавкрафт. Давай, вступай на своё поле, и я тебе всё объясню. Готов?

– Да, – кивнул Говард.

– Дело в том, – начал Эдди, – что я не дочитал твою книгу: она замерцала. Сейчас объясню, – поспешно добавил он в ответ на недоумённый взгляд Говарда, который грозил перейти в оскорблённый. – Извини, я не так начал. «Смартфон» – это дословно умный телефон, Телефон, как у вас, но плюс компьютер. Ты знаешь, что такое компьютер?

– Какое-то счетное устройство?

– Да, только сейчас, через сто лет, это не просто счётчик. Это устройство со страшной скоростью запоминает, обрабатывает и передаёт информацию. Компьютеры, соединённые в мировую сеть, подняли цивилизацию на следующую ступень – информационную. Мы стали жить в информационном океане, и в этом океане появились не только новые социальные и психологические явления (ты бы сказал – монстры, хотя всё не так страшно), но и необычные физические эффекты. Мерцание – такой эффект; наша группа как раз его изучает. Иногда, в небольшой области пространства, материальные объекты как бы периодически выпадают из реальности: то появляются, то исчезают. Такие мерцание продолжается недолго: минуту или час, и никогда не повторяется в этой же области. Возникновением области мерцания можно в какой-то мере управлять, особым образом сосре-

доточившись на предмете, несущем информацию. Поскольку раньше ничего подобного не наблюдалось, мы предположили, что эффект напрямую связан с возросшей интенсивностью мирового информационного поля, а в точке мерцания происходит прорыв пространственно-временной ткани реальности. И не просто прорыв, а возможность выбора между близкими по вероятности потоками развития реальности. Но лишь локальными потоками – в целом реальность не меняется. Принцип гомеостатического реагирования. Вот эту гипотезу мы и разрабатываем.

– Похоже, успешно разрабатываете, – глаза Говарда загорелись. – Вы можете путешествовать во времени? Как у Герберта Уэллса?

– Нет. Фундаментальный запрет на перенос избыточно сложных или необычных информационных объектов – поле выталкивает их обратно. Существующая реальность защищает себя. Человек чрезвычайно сложен информационно, и он не может перенестись в другое время. А вот смартфон – сравнительно простое устройство, и его можно настроить на использование только респондентом, так, что для остальных он выглядит просто как черная пластина. Поэтому нам удалось перенести смартфон, настроенный на тебя, и в результате мы можем общаться. Но, извини, не слишком информативно – на определённом уровне переносимой информации связь прерывается.

– Значит, вы уже пробовали, и я не первый?

– Нет, не первый. Но один из первых.

– Но почему? Почему вы выбрали меня? Неудачника, посредственного поставщика бульварных рассказов?

– Я уже говорил, Говард: тебя читают и через сто лет – ты совсем не посредственный, а твоя проза – не бульварная. Я бы назвал тебя гением, но боюсь испугать. И потом, я, как руководитель группы, могу выбирать объект для эксперимента, а мерцание произошло как раз в тот момент, когда я читал твою книгу – и не смог перевернуть страницу. Это означает, что книга могла быть и написана – и не написана. Тебе не надо объяснять, по какой причине.

– Смешно, – сказал Говард без намёка на улыбку. – Ты связался со мной только чтобы дочитать книгу?

– Нет, не только, и даже не столько. Я читал о тебе, Говард Лавкрафт, читал воспоминания современников и твоей жены. Это так отрывочно и противоречиво. Но одно я понял – в основном не из воспоминаний и биографий, а из твоих писем и книг: тебе не помешал бы хороший друг, вроде твоего покойного деда. Нас многое разделяет: и время, и твои личные особенности... Но мне бы хотелось стать таким другом.

– Мне тоже. Спасибо, Эдди. Ну что ж, передавай привет моим будущим читателям!

Они одновременно протянули к экрану руки, их пальцы соприкоснулись, и мир за стеклом погас.

Говард отложил чёрную коробочку в сторону, перевернул страницу и начал писать, постепенно заполняя новый разво-

рот своим аккуратным почерком. Потом закрыл блокнот и поднялся от стола, потягиваясь и улыбаясь кому-то, кто явно отсутствовал в пустой комнате. Пора на прогулку! Он надел плащ, поднял воротник и вышел в сырую ночь, пахнущую близким океаном и затаившимися в нём монстрами. Но привычное одиночество теперь стало не таким мучительным и безнадежным. Теперь, когда он знал, что его чудовищ увидят и многие другие; его ужас станет их ужасом, его борьба – их борьбой, его рукописи – их книгами. А ещё ему внезапно захотелось путешествовать, и не в воображаемых мирах своих фантазий, а в реальном мире, от которого он так долго скрывался.

На следующий день, дождавшись, когда Роберт уйдёт в свой офис, Норма вошла в его комнату. Коробка стояла у кровати, приоткрытая. Одного взгляда внутрь ей было достаточно. Конечно, никакие это не Робовы игрушки – это поганые сувениры Говарда. В своём доме такую гадость она не потерпит! Роб и так пришёл вчера сам не свой, не спал в супружеской постели, а сегодня еле поднялся, с опухшими глазами. Её долг, как жены, охранять свой дом и своего мужа. Захлопнув шляпную коробку, Норма засунула её в мешок и оттащила за дверь – до приезда мусорщика. Робу она скажет, что приходили из Христианской Ассоциации, и она отдала его игрушки для сирот. «Ты же не будешь сам играть в них,

Роб? – так она скажет. – А детишкам радость. Верно?»

Так смартфон оказался на свалке и там постепенно истлевал, сливаясь с другими отходами цивилизации. Пришла и ушла вторая мировая война, погубив миллионы людей, но не затронув свалку. Люди налаживали мирную жизнь, сначала между собой, а потом и со средой обитания. Свалку переправили на завод-утилизатор. Там смартфон погиб окончательно – и возродился через девяносто лет, лёжа на развороте книги. Эдди снял смартфон с разворота, погладил страницу (анахронизм, конечно, но он любил бумажные книги), перевернул её и продолжил читать «Шепчущего во тьме»:

Чем дольше я смотрел на них, тем яснее понимал, что к Экли и его рассказу нужно относиться всерьёз. Случившееся в Вермонте выходило за рамки привычных представлений.

... ..

Ромашка

В начале здешнего лета зацветают перри. Они совсем как земные ромашки, только маленькие: на одном стебле несколько десятков цветочков. На таких не погадаешь. Ближе к осени придёт пора рав-нав. Это, наоборот, один огромный цветок, красивый и нежно-малиновый, но с очень неприятным запахом – любуйся издали. Но сейчас время перри, и весь луг благоухает и переливается как жемчужный. Кончается долгий летний день, такой лёгкий и радостный. Женька созывает стайку своих «козочек» (внешне они лишь отдалённо напоминают земных коз, но повадками – точно козы!) и начинает спускаться в деревню. Прыг-скок по горной тропинке над обрывом. Прыг-скок вот уже два года, как она сюда попала.

В тот последний миг на Земле она тоже стояла над обрывом. Только обрыв был – высокий берег реки, а стояла она там, ожидая Антона. Они с детства каждое лето обязательно приходили сюда вдвоём под вечер, в каких бы компаниях и играх не проводили весь день, каждый день нескончаемых и так быстро пролетавших каникул. Теперь это было их последнее каникулярное лето, потому что через год оба будут в городе готовиться к поступлению в институт, а

потом сдавать экзамены: Женька в медицинский, Антон на физмат. Расставаться они, конечно, не собирались, и дачные вечера на этом же самом месте тоже будут – но сами они будут уже не школьниками, а студентами. Взрослыми. Окончательно перешагнувшими грань между детством и юностью, как им уже начали талдычить на собраниях.

Антон задерживался. На него это было непохоже: обычно именно он поджидал Женьку, а та вечно опаздывала. Прошло уже минут десять. Непривычная ситуация выбивала Женьку из колеи. Сначала она методично оборвала лепестки сорванных по дороге цветов. Потом стала гадать на подвернувшихся под ноги ромашках: «любит – не любит». Два раза вышло «не любит» и один «к чёрту пошлёт». Женька разозлилась и от досады топнула ногой. Вот это она зря сделала: берег здесь был песчаный и кусок его отвалился, вместе с девчонкой. Она стала падать и почти сразу же потеряла сознание. А когда открыла глаза, вместо Антона увидела лицо незнакомого старика и рядом – страшную рогатую морду. Женька посмотрела на небо – там радостно светили два солнца: одно желтое, другое оранжевое. Женька заорала и снова потеряла сознание.

Очнувшись во второй раз на топчане в какой-то средневековой хижине, она прежде всего проверила себя на тестирование реальности. Галлюцинаций не обнаружила, рефлекс в норме. Значит, надо принять то, что имеем «здесь и сейчас», и жить дальше. Вошёл хозяин, тот самый старик, при-

жал руки к груди и сказал что-то непонятное, но явно успокаивающее и доброжелательное. Женька ответила в том же духе. Старик вышел, но сразу же вернулся с чашкой в руке и предложил ей выпить содержимое – белое, на вид вроде молока. На вкус тоже, только гораздо приятнее. И тут Женька вспомнила, что уже пила это, когда ненадолго приходила в сознание и пыталась сорваться с топчана и крушить всё вокруг; тогда её удерживали двое мужчин, которые буквально влили в неё это питьё – и ничего, не отравили.

Контакт с жителями деревушки постепенно налаживался. Через неделю она уже понимала основные слова и помогала хозяину хижины, Аннуму, пасти его коз и вести хозяйство. Местная простая пища ей не вредила, местные болезни обходили стороной. Настроение было просто замечательным! Дни, недели и месяцы летели незаметно, в нехитрых деревенских трудах и развлечениях. Просто пастушеская идиллия! Даже местные пастушки стали на неё заглядываться и заговаривать с игривыми целями. Впрочем, никаких грубостей. Население деревни вообще было очень милым, все, от мала до велика. А вот это уже наводило на мысли о психической аномалии. Женька вдруг осознала, что и она слишком милая по сравнению с собой прежней. Похоже на лёгкий наркотик. Только где он содержится: в воздухе, в воде, в пище? С воздухом она ничего поделаться не могла, но с остальным разобралась быстро. Оказалось, что мягкую эйфорию дарит та самая белая жидкость – молоко здешних «козочек»;

его пили все.

Полностью отказавшись от молока, Женька «вернулась» к себе и ужаснулась: два года она провела как во сне. Но если в её мире, на Земле, тоже прошло два года, то на какие мучения она обрекла маму?! Антон, конечно, обойдётся без неё – поскучает и найдёт другую, но вот мама... Отец у них умер уже давно, но мать даже не пыталась установить отношения с другими мужчинами: только дочь. И вот дочери нет уже два года, и неизвестно, жива она или нет. Лучше бы она умерла там на обрыве! Всё-таки, какая-то определенность, возможность для мамы строить свою жизнь дальше... Значит, надо найти способ вернуться – или хотя бы дать знать, что она не вернётся никогда. Как это сделать?

С этим вопросом Женька пошла к Аннуму, своему «деду», как она его называла. Старик только головой покачал:

– Ты, Ження, перестала пить молоко. Почему?

– Потому что хочу быть собой. И теперь хочу вернуться в свой мир.

– Да... Все вы так говорите, и всё равно возвращаетесь сюда.

– Так значит я не первая, такая?! – воскликнула Женька. – Есть и другие, из других миров? И из моего тоже? Где они? Почему возвращаются?

– Не кричи, Ження. Какая ты стала беспокойная... Я расскажу тебе всё, что знаю. Но ведь я только пастух, и знаю не очень много.

– Извини, дед. Расскажи, пожалуйста.

– Садись, Ження, – сказал Аннум. – Это длинная история. Мне рассказал её отец, а ему – его отец. У меня детей нет, и я расскажу тебе. Когда-то здесь не было ничего кроме деревень, таких, как наша. Рядом с некоторыми поселениями были особые места – оттуда приходили Дары Богов. По виду просто люди, такие же как ты и я. Только они не говорили на нашем языке, и вели себя странно. Кидались на нас, что-то кричали. Но за долгие века мы научились обращаться с Дарами. Наши мужчины крепко держали найденьша, чтобы он (или «она» – женщины тоже были, хотя реже) не причинили вреда ни себе, ни нам, и поили молоком. После этого Дар засыпал, а проснувшись входил в нашу общину. Многие заводили семьи, появлялись общие дети, и все были довольны. Почти все. Некоторые Дары Богов года через два-три почему-то отказывались пить козье молоко, и становились беспокойными. Они вспоминали те места, откуда явились, и рассказывали нам – каждый о своём мире. Их тянуло туда, но мы ничем не могли помочь. Часть «вспомнивших», как мы их называли, снова начинали пить молоко и оставались с нами. Но некоторые «вспомнившие» так и не могли успокоиться. Они уходили в горы и больше не возвращались...

– Но однажды всё переменилось, – продолжал Аннум. – Это было при жизни деда моего деда. Ночью земля вздрогнула, и из-за вон того хребта поднялось зелёное зарево. Подня-

лось высоко, в полнеба, но скоро погасло. Утром наши юноши отправились туда. Они увидели большой красивый дом из гладкого, неизвестного материала. Высокие двери, а над дверями – вот этот цветок (старик отщипнул один цветочек от стебелька перри из букета на столе), только огромный, почти в человеческий рост. Двери распахнулись. Самые смелые вошли. Они и стали первым жрецами Храма Перри. Через несколько дней они спустились к нам в селение, собрали сход и ...

В дверь постучали:

– Аннум, твои козы волнуются. Ты не заболел? Может, отвести твоих коз на пастбище вместе с моими?

– Спасибо, Террок, всё в порядке, мы уже идём, – и, повернувшись к Женьке, – Пошли, Ження, остальное расскажу там. Заодно покажу дорогу к Храму. Только оденься потеплее, в осеннюю одежду – в горах холодно. И куртку возьми.

Женька не поверила своим ушам: пастушью куртку она надевала только зимой. Хотя зимы здесь были короткими и мягкими, ветер в предгорьях мог быть очень злым. Но сейчас ведь лето! Тем не менее, она послушно влезла в плотный комбинезон, натянула сапоги и, подхватив куртку на руку, пошла за стариком. Интересно, почему он решил, что она сразу же поскачет в горы к этому самому Храму Перри?

Но она-таки поскакала. Потому что, по словам старика, только в Храме её могли вернуть на Землю.

– А почему не вернули домой других «вспомнивших»? Ты говорил, они снова возвращаются к вам?

– Да, возвращаются, почти все. Только почему-то не хотят говорить, что с ними произошло. Они снова начинают пить молоко и остаются с нами. Но мне кажется, что ты не вернёшься... А если всё-таки вернёшься сюда, знай: мой дом всегда открыт для тебя, Женья. Даже если ты не захочешь больше пить молока.

Тут Аннум улыбнулся так грустно, что Женья торопливо сказала:

– Если не вернусь, всё равно я тебя никогда не забуду – у нас ведь нет вашего замечательного молока, чтобы обо всём забыть. (О большом выборе земных наркотиков Женья благоразумно умолчала, да она и не собиралась их употреблять, ни при каких обстоятельствах). Не грусти, бабушка! Лучше пожелай мне удачи.

– Удачи... – прошептал старик.

Она крепко обняла его, поцеловала в морщинистую щеку и решительно зашагала в горы, к Храму Перри.

Она дошла только на следующий день. Ночевала на дереве, привязавшись к ветвям верёвкой, которую ей дал Аннум. Его нож, к счастью, не понадобился: живность в горах была, но на неё не нападали. По крайней мере, днём. К вечеру второго дня она уже стояла перед Храмом с барельефом-ромашкой над высокими дверями. Немного подождя,

Женька постучала. Двери открылись внутрь, и она вошла в огромный круглый зал, на полу которого лежала гигантская «ромашка»: желтый круг в центре и множество длинных лепестков, тянущихся от него к стене, немного не достигая её. Все лепестки белые, только один зелёный, тот, который шел ко входу. Перед зелёным лепестком стояли двое мужчин в простой белой одежде: куртка и штаны, на ногах сандалии. «Простенько для жрецов, – бодрясь, подумала Женька, – зато практично и гигиенично».

– Здравствуй, – приветливо сказал один из них, который выглядел моложе, почти ровесник. – Давно к нам никто не приходил. Ты откуда?

– С Земли, – ответила Женька. – Верните меня, пожалуйста.

– Это будет трудно, – сказал второй. – Земля не входит в список. Хотя пришельцы оттуда бывают.

– Что это за список? И что с моими... соплеменниками? Где они сейчас?

– Список планет, добровольно и официально вошедших в Круг. Земля пока не вошла, хотя лепесток её тут имеется; твоя планета, так сказать, кандидат. А соплеменники твои в основном остались на Перри. Со времени возникновения нашего Храма только двоим удалось вернуться на Землю, и у обоих было с собой что-то оттуда.

– Что?!

– Да неважно; монетка, платок, заколка... Дело в том,

что на Земле пока нет Храмов, и активировать её лепесток можно только с помощью земного предмета. Обычно после нескольких лет на Перри у счастливых посетителей нашей благословенной планеты не остается земных артефактов. У тебя ведь тоже нет? – Он кивнул на её пастуший комбинезон и куртку, явно местной выделки.

– Нет. Но я всё равно попаду на Землю, – упрямо заявила Женька. – Вы сказали «трудновато». Значит, в принципе это возможно? К тому же я сама принадлежу Земле. Принадлежала...

– Но ты ведь не предмет, девочка, – сказал старший. – И ты уже два года принадлежишь Перри.

– Никому и ничему я не принадлежу! – вспыхнула Женька. – Я к вам не просилась! Верните меня обратно!

– И давно ты перестала пить козье молоко? – поинтересовался старший.

– Примерно неделю.

– Молодец! – неожиданно похвалил жрец. – Садись (он указал на широкую скамью у стены), обсудим. Сначала информация.

Она кивнула, покосившись на молодого – тот уже не улыбался, и Женька поняла, чем эти жрецы отличаются от других аборигенов Перри. Они не были «милыми» – они были нормальными и, конечно, тоже не пили молока.

– Не мы построили этот Храм, и не мы устанавливаем правила. Тебе ведь рассказали внизу историю появления Храма

Перри? (Женька кивнула). Его создала раса, намного превышающая по развитию все остальные. Назовём их для определенности Богами. Они и создали наш Круг (жрец показал на «ромашку»). Кругов бесконечно много, но люди, такие как ты и я, могут жить лишь в нашем: дышать одним воздухом, есть местную пищу, иметь общих детей. В нашем Круге сейчас 207 миров. В большинстве из них есть Храмы, но в некоторых – пока нет. Люди, прибывающие оттуда, попадают на Перри, потому что жители нашей планеты издавна принимают таких «случайных» пришельцев и помогают им преодолеть шок прыжка.

– С помощью молока? – спросила Женька.

– Вот именно. Это наше богатство – и наше проклятие. Счастливое и самоудовлетворённое общество не развивается. Зато оно выполняет очень важную миссию – адаптирует случайных пришельцев и тем самым создает возможность вхождения их миров в Круг. В очень редких случаях, если «вспомнившему» удаётся попасть в свой мир и, кроме того, если там он по своей воле откроет дверь представителю Богов. Без приглашения они не являются. Дальше уже дело представителя: договориться с правительствами, выбрать места для Храмов, убрать «дыры», через которые проваливаются случайные люди, вроде тебя. В результате планета входит в сообщество подобных ей миров. Да и люди перестают пропадать.

– Бермудский треугольник, – пробормотала себе под нос

Женька.

– Давай переходник, Свелл, – попросил старший и передал Женьке браслет с двумя кнопками: белой и зелёной. – Надевай. Теперь о правилах. Тебе даются две попытки. Два прыжка. Сразу скажу, вероятность того, что ты вслепую попадешь на свою планету, очень мала. В результате прыжка ты окажешься, скорее всего, в другом Храме. С меньшей вероятностью тебя забросит на планету вне списка – просто потому, что таких планет гораздо меньше. Из Храма ты можешь либо вернуться сюда, на Перри, либо сделать второй слепой прыжок – но там ты уже застрянешь навсегда. Поскольку неизвестно, куда ты при этом попадешь, советую возвращаться – так сделали все твои соплеменники, не имевшие земных артефактов. Вернёмся к первому прыжку. Если ты попадёшь на планету вне списка, можешь там остаться – навсегда или на время: кто знает, вдруг тебе там понравится? В любой момент можешь вернуться – просто нажми зелёную кнопку, и тебя перебросит обратно к нам. Обратный переход – не прыжок, у тебя есть вторая попытка. Обычно люди не решаются на второй прыжок, остаются на Перри.

«Вот оно что, – подумала Женька, – поэтому и молчат вернувшиеся: они просто струсили и не хотят признаваться в этом. Конечно, лучше попить молочка и всё забыть... Не для меня».

– Ясно, – сказала Женька. – Я прыгаю.

– Тогда иди по зелёному лепестку к центру. Шагай прямо

в центр – ты будешь падать, но не бойся: это субъективное ощущение, всего на несколько секунд. Потом тебя выбросит на другой лепесток, то есть, на другую планету.

– Вот что, – вмешался молодой. – Попробуй подумать о своей Земле, представь себе... ну, что-то очень хорошее, радостное, что с тобой там случилось. Говорят, помогает.

– Суеверие! – отозвался старший. – Впрочем, вреда не будет.

И Женька стала представлять.

Они с мамой на цветущем летнем лугу рядом с речным обрывом. Женька бежит за бабочкой, и, увлекшись погоней, чуть не слетает вниз – её подхватывают ласковые мамины руки и несут назад, на луг. Женьке года три, и это её первое воспоминание. Первое – но очень яркое. Она даже слышит мамин голос: «Смотри, Женечка, это василёк, а это ромашка, а это... подойди-ка поближе...»

– Да, мама, я иду, – говорит Женька и бежит по зелёному лепестку прямо в сияющий как солнце жёлтый круг. Черно-та, падение, стены бесконечного колодца сближаются, обволакивая её, и Женька теряет сознание.

Ещё не открывая глаз, Женька почувствовала: это не Земля. Запахи, звуки – всё было неуловимо чужим. Её грубо подняли на ноги, и она увидела двух вооруженных людей в форме. Бронзоволицые, с резким профилем, они напоминали земных индейцев, только со светлыми, почти белы-

ми волосами – таких индейцев не бывает. Они обменялись несколькими фразами между собой, но на Женьку, казалось, вообще не обращали внимания, просто втолкнули в задний отсек машины и повезли куда-то. Женька подтянула рукав куртки: зелёная кнопка светилась изнутри, как бы приглашающая нажать.

Но Женька решила пока повременить, посмотреть, что будет дальше. Она уже имела некоторый опыт подобных задержаний – когда вместе с друзьями весной выходила на митинг, где их «винтили». Правда, тогда в автозаке она была не одна, а с другими захваченными; все быстро перезнакомились, и было весело и не так уж страшно. Она переживала только за маму. Но «школоту» отпустили довольно быстро – составили протокол и продержали для острастки в общей камере до прихода родителей. После этого она дала маме слово в митингах больше не участвовать. И вот – нате тебе! Стоило попадать на другую планету, чтобы снова угодить в автозак.

В целях сравнительной ксенологии Женька решила посмотреть «кино» дальше. Интересно, как они будут составлять протокол с человеком, не понимающим их языка. Впрочем, этот незначительный факт вряд ли их остановит: и составят, и дадут подписать. Или сами подпишут. «И расстреляют», – издевательски шепнул внутренний голос. На деле всё оказалось ещё проще: никаких протоколов и проникновенных бесед со следователем. Женьку сразу же впихнули в тёмную камеру и закрыли там. «Кино» оказалось малоинте-

ресным. Немного посидев на жёсткой койке, Женька нажала зелёную кнопку, злорадно представляя, как охранник открывает совершенно пустую камеру.

Очнулась она в знакомом Храме, на той же самой скамье-кушетке, где получала инструкцию перед прыжком. У изголовья скамьи стояла простенькая ваза с букетиком перри.

– Привет, Женья! – радостно приветствовал её молодой жрец. – Ну, и как тебе Астор?

– Никак, – ответила Женька. – Меня сразу повязали и засунули в камеру. Постой, а откуда ты знаешь, как меня зовут? Я, вроде, своего имени не называла.

– Приходил Аннум, – объяснил старший. – Через два дня после твоего отбытия. Хотел узнать, удалось ли тебе попасть на Землю.

– Не понимаю, – призналась Женька, садясь на скамье. – Во-первых, как он мог прийти через два дня? Я отсутствовала часа три, не больше. Во-вторых, откуда вы узнали, что я прыгнула на этот самый... Астор?

– Для нас ты отсутствовала около года. Видишь ли, с помощью браслета прыжок аккумулирует год твоего времени из общего временного потока; переводит его в энергию возврата (он показал на зелёную кнопку, которая сейчас не светилась) или в энергию вызова представителя (он указал на белую кнопку, тоже не светящуюся). А что касается той пла-

неты, на которую ты попадаешь, она визуализируется в момент открытия пути для прыжка: проходит цветовая волна по соответствующему лепестку. В твоём случае это была фиолетовая волна по лепестку Астора. Кстати, ты почти попала: индексы развития цивилизации Астора и Земли очень близки: 27,2 и 27,5. Так что поблагодари Свелла за совет.

Женька поблагодарила и призадумалась. Здорово, конечно, что можно мыслями влиять на вероятность прыжка, но не факт, что попадёшь на цветущий луг и вообще на Землю. Скорее, угодишь совсем на другую планету с близким, как его, «индексом цивилизованности». И этот индекс, судя по всему, довольно низкий. Может, взять тайм-аут перед вторым прыжком – передохнуть на Перри, подобрать воспоминание? Так ведь на Земле тоже пойдёт дополнительное время. Даже теперь, если второй прыжок удастся, там пройдет... два плюс один, плюс один... четыре года. Бедная мама! Между тем старший жрец продолжал.

– Мы объяснили Аннуму, что нет, не попала, да и не могла попасть без артефакта с Земли. Сказали ему, что ты на Асторе и, если там не задержишься, то прибудешь сюда же через год, и тогда, наверное, останешься на Перри. Он покачал головой: «Она не останется» и повернулся уходить. И тогда я спросил на всякий случай, не сохранилось ли в его доме чего-нибудь, хотя бы клочок одежды, в которой ты прибыла. Он сказал, что тебя нашли в лёгкой летней одежде, и ты её всю изорвала, когда буйствовала в шоке. Клочки они сожгли.

– Я прыгаю снова! – заявила Женька, вставая с кушетки.

– Подожди, – сказал старший, – я не договорил. Аннум пришел во второй раз через месяц. Он произвёл настоящие раскопки на месте твоего появления – всё-таки прошло два года, да ещё на козьем пастбище. И кое-что нашел. Посмотри, это твоё?

Он протянул Женьке два металлических кружочка – это были монеты в 5 и 10 рублей. Наверное, выпали из кармашка шортов. Она просияла:

– Да! Что с ними делать?

Жрец взял монеты и положил их на один из белых лепестков. По нему стали катиться волны голубого цвета.

– Вот и всё. Путь прыжка на Землю открыт. Иди по зелёному лепестку в центр, а когда придешь домой не забудь, пожалуйста, о белой кнопке на браслете. Ты заслужила право решать. Ну, счастливого пути! Иди же!

Но Женька медлила.

– Аннум сказал что-нибудь еще? Для меня?

– Нет. Он сказал только: «Пусть девочка скорее бежит домой. Мы уже попрощались». Но если спросишь о нём, просил передать тебе это.

Жрец вынул из вазы одну веточку, обсыпанную множеством белых ромашек перри, и протянул ей. Женька засунула веточку во внутренний карман пастушьей куртки и быстро пошла, почти побежала по зелёному лепестку, чтобы не разреветься при свидетелях. С детства этого не любила.

Навестить Марию

МОСКВА, XXI ВЕК

– Привет, Аля, я здесь.

– Здорово! Когда прилетел?

– Только что домой ввалился. Увидимся завтра?

– Конечно. В двенадцать уже проснёшься?

– Постараюсь. Спокойной ночи!

– Подожди! Нашёл?

– Скорее нет, чем да.

– Интригуешь?

– Скорее да, чем нет. Давай не по телефону, и на свежую голову. Жду завтра. Целую.

– И тебя тоже, интриган. Я же не засну – от любопытства

– А я засну – просто с ног валюсь. Пока! До завтра!

ПРАГА, XVI ВЕК

Комната с низким потолком и без окон тускло освещена свечами. За длинным столом сидят шестеро, по трое справа и слева от стоящего в торце. Он продолжает негромко:

– Друзья мои, терпеть больше нельзя. Разве вы этого не понимаете? Сегодня они нападают на наших торговцев и ремесленников в городе, а завтра придут в гетто. Мы беззащитны. Если мужчины будут сопротивляться, они убьют мужчин, а потом всех остальных. Я давал клятву защищать свой

народ, свою общину. Я не могу поступить иначе.

– Это чёрная магия, рабби. Я против, – возражает старик, сидящий слева.

– Это последняя защита, которую оставили нам наши предки. Разве не пришёл её час, я вас спрашиваю? Разве не должны мы спасти наших детей? Разве жизнь наших женщин и стариков ничего не стоит?

– Они вынуждают нас уйти, рабби, только и всего, – примирительно говорит мужчина справа. – Лучше покинем город.

– Нет, – резко отвечает председательствующий. – Я не покину этот город, где родилось семь колен моих предков. И спрошу вас, многоуважаемый Иегуди, куда вы собираетесь идти? Где вас встретят с распростёртыми объятиями? Наш народ избран – и проклят. Если мы начнём покидать свои очаги – рано или поздно мы уйдём отовсюду. Все мы, все евреи.

Долгое молчание. Рабби Лёв грустно улыбается и говорит:

– Мне понадобится помощь двоих из вас. Кто? – Поднимается молодой священник, почти юноша, потом ещё один. – Спасибо Исаак, спасибо Иегуди, – кланяется каждому рабби. – Приходите на задний двор синагоги сегодня вечером, как только стемнеет.

МОСКВА, XXI ВЕК

Я просыпаюсь в 9 утра; есть еще время понежиться в по-

стели до прихода Альки. Тем более, что сегодня, 24 июля, мамин день рождения – ей бы исполнился 71 год. Не так уж много, но и не мало: мои дедушка и бабушка не дожили и до тридцати. Это со стороны мамы. Они были «врачами-убийцами» и не додержались до 5 марта того самого, 1953 года. Только и успели, что родить мою маму и прожить с ней почти три года до приезда чёрного воронка по их душу. Позже, когда ненадолго открылись архивы КГБ, мама смогла увидеть дела своих родителей. И даже тайком снять с них копии – помог её школьный приятель, служивший в Лубянской канцелярии.

Дедушка, Лев Павлович, типичный представитель титульной нации, повторил судьбу множества других представителей. Дал показания, что он японский и английский шпион, в чём и расписался на последнем протоколе допроса. Но никого не заложил – этого он не смог. С фотографии на меня смотрит типичный русский доктор: чеховская бородка, растерянный взгляд близоруких глаз. Он не был слабым – те умирали после первых же допросов, но и не сильным – те умирали, так ничего и не подписав. Он был просто хорошим человеком и врачом, а потому был обработан по полной программе, осуждён как шпион и расстрелян в подвале Лубянки...

А вот с бабушкой, Марией Исааковной, история тёмная. В её деле остался только входной формуляр: фотография (с неё на меня в упор смотрит гневная красавица, а потом повов-

рачивается гордым профилем), фамилия-имя-отчество, род занятий, даты рождения и ареста. И больше ничего. Мамины знакомые из Мемориала объяснили ей, что так редко, но бывает. Например, когда на первом же допросе арестант набрасывается на следователя, и набрасывается успешно – так, что ослеплённый болью садист инстинктивно выхватывает оружие и убивает подследственного. Да, бабушка всё поняла сразу и не стала плясать под их дудку. Так и вижу, как она в броске впивается в глотку, в нужное место – она знает куда. Врач, всё-таки...

Других моих деда и бабушку расстреляли еще раньше, в 1949 году, почти сразу после рождения их сына, моего отца. Впрочем, об этом я знаю только со слов мамы, потому что с отцом незнаком – не довелось ещё встретиться. Они с мамой подружились в детдоме. Потом полюбили друг друга, стали жить вместе, но, когда в 1980 зашёл вопрос о моём появлении на свет, отец закричал «В такой стране рожать детей нельзя!» – и хлопнул дверью. К счастью, мама решила, что всё-таки можно. И вот я тут, сорокалетний балбес, а её уже нет...

Я встаю и снимаю с полки её любимого «Графа Монте-Кристо». Вынимаю закладку – мамину фотографию. Она молодая и улыбается мне. На обороте маминой рукой написано целое послание:

«Дорогой сынок! С днём рождения! Вот твои первые сти-

хи – ты их выдал сегодня утром, а я записала:

*Туша огромного здания припала к площади каменной.
Ввысь напрягаются лапы – колонны, облизаны тьмой.
Из переулков сумеречных к колоннам выходят люди,
Из каменной, мглистой ночи – как комарьё на огонь*

Расти сильным, умным и весёлым!

Мама. 12 января 1987 г.»

Я вновь удивляюсь – что за странные стихи для семилетнего пацана, и вновь вспоминаю тот день, точнее, предыдущий вечер...

ПРАГА, XVI ВЕК

Трое людей копошились на глиняном холме, к которому выходила задняя сторона синагоги, освещенная двумя чадящими факелами. Они спустились с корзинами, наполненными глиной, и высыпали их на кучу у стены.

– Достаточно, – сказал рабби Лёв. – Теперь отойдите в сторону и подождите. Пока я сам.

Он наклонился над кучей и стал формировать что-то с помощью деревянной лопатки. Постепенно проявились контуры гигантской лежащей фигуры. Рабби огладил её ладонями и выпрямился. Потом подошёл к стоящей сбоку скамье, обмыл руки в тазике, вытер их насухо и взял с края скамьи тя-

жёлтый том с кабалистическими знаками на окладе.

– Идите сюда, – подозвал он помощников. Те приблизились. – Сейчас я буду читать из этой книги. Вы не вмешивайтесь, что бы ни увидели. Потом придёт очередь Исаака, потом Иегуди. Каждому надо обойти вокруг этого... существа, какую бы форму оно не приняло. Сделав круг, отходите в сторону. Это всё, что от вас потребуется. И запомните: с того момента, как я начну читать – ни слова, ни звука. Разомкнёте уста только когда я скажу. Вы поняли? Вы согласны?

– Да, рабби, я согласен, – ответил каждый.

МОСКВА, XX ВЕК

В школу я пошёл шестилеткой. Я начал читать с четырёх лет, а когда через два года принялся за «Первых людей на Луне» Уэллса, мама решила, что сынок катастрофически перерастает детский сад, и от греха подальше записала меня в школу. Вообще, в вопросах воспитания и планирования моей детской карьеры она руководствовалась только здравым смыслом, как сама его понимала. При этом не забывала советоваться со мной. Вот и сейчас мы решили, что первоклассник имеет право сам выбрать подарок на свой день рождения. «Только в пределах разумного», напомнила мама. И накануне вечером, когда она вернулась с работы, мы поехали на троллейбусе в Детский Мир.

Так я впервые попал на Лубянской площади, тогда площадь Дзержинского. Зимой в шесть вечера уже совсем тем-

но, и хорошо освещалась только здание Детского Мира с сияющими высоченными окнами-витринами, да еще огромный шпалеобразный памятник в середине площади. «Это кто?» – спросил я маму. «Дзержинский, – кратко ответила она, – пошли скорее за подарком, а то не успеешь выбрать, магазин закроется». И я почти побежал к сияющим окнам, в весёлое царство игрушек. А на следующее утро выдал это странное мрачноватое произведение.

Став постарше, я иногда перечитывал мой первый стих, сохранённый мамой, и удивлялся: конечно, здание Детского Мира в целом приземистое и может напоминать тушу гигантского зверя наподобие древнего ящера – но оно было сверкающим и весёлым – откуда же у стиха такой темный, зловещий колорит? Ответ я получил через несколько лет, в перестроечный период, который совпал с моим пубертатным.

Тогда я постоянно приставал к маме с разговорами о сталинском терроре. Однажды она сказала: «Знаешь, Севка, ты меня удивил в восемьдесят седьмом, когда мы ездили за твоим подарком. Ты на Лубянку и не смотрел, даже не оглядывался, тащил меня в Детский Мир. А ведь на следующее утро сказал именно про Лубянку. Только надо было не «из переулков сумеречных», а «из подвалов каменных». Хотя нет: люди в воронках слетались сюда по ночам со всего города, по улицам и переулкам, а из подвалов они уже не выходили... Действительно, «как комарьё на огонь». Вороньё-комарьё...

Главное, атмосфера передана великолепно! Именно «туша» и именно «припала» – сейчас кинется и сожрёт! Она и сжирала... Вот ответ, откуда ты, малявка, всё это знал? Каким органом чувствовал? Просто мистика какая-то!» «Не такая уж и малявка, – обиделся я. – К тому времени малявка уже «Остров доктора Моро» осилила». Тут мы почему-то расхотались, прямо до слёз.

Отсмеявшись и смахнув слезинки, мама погладила меня по макушке (других нежностей я ей уже не позволял) и командовала: «Ну, хватит! Пошли ужинать, докторёнок». Это детское прозвище она мне дала сама, потому что была врачом, как и её родители. Наверное, хотела, чтобы я продолжил семейную традицию, но никогда об этом не говорила. А я стал лишь доктором наук, физико-математических.

ПРАГА, XVI ВЕК

Рабби начал читать на древнем рокочущем языке. Вскоре чудовище зашевелилось. Исаак и Иегуди молча отпрянули. Не прекращая читать, рабби Лёв обошёл вокруг оживающего тела, которое пыталось отлепиться от земли. Сделав полный круг, рабби позвал: «Исаак, обойди его». Юный священник приблизился, и чем ближе он подходил, тем светлее становилось вокруг: это засветилось красным глиняное тело. Поверхность потекла, как расплавленный металл, внутри что-то бугрилось и переливалось из одной формы в другую. Когда Исаак завершил круг, красный гигант сел, полыхая жа-

ром.

Лёв положил книгу назад на скамью, движением руки отослал Исаака и подозвал второго помощника: «Иегуди, обойди его». Преодолевая волны жара, Иегуди приблизился. Чем ближе он подходил, тем холоднее и темнее становилось вокруг. Члены гиганта остывали, но приобретали подвижность. Он начал подниматься, а когда Иегуди завершил свой круг, встал в полный рост. Рабби отослал Иегуди и сам стал перед гигантом.

МОСКВА, XXI ВЕК

Алька с порога кинулась мне на шею. Я, конечно, обнял и поцеловал, но удивился столь горячему приёму:

– Ты чего? Всего неделю не виделись.

– Боялась, что ты там останешься. С отцом.

– Нет, дорогая. Во-первых, оставаться не входило в мои планы, а во-вторых, с отцом я даже не виделся.

– Странно. Ты мог выбрать Париж или Мадрид. Сам говорил, в этом году там тоже конференции по твоей тематике, а Прага, извини, всё-таки не Париж. Значит, ехал к отцу.

– Ну, Прага, в своём роде ничуть не хуже Парижа. Сказочный город! А выбрал я Прагу не столько из-за отца, сколько из-за кошмара. Я же тебе рассказывал: много лет один и тот же кошмар, эти блуждания по тёмному средневековому городу. Факелы, стражники, погоня. Брр! Надо было с этим что-то делать. Надо было найти это место наяву, при свете

дня.

– Помню, конечно. Но почему ты решил, что именно Прага, а не средневековый Париж, к примеру?

– Потому что кошмары начались после того, как мама мне сказала, что отец эмигрировал в Чехословакию. Живёт с новой семьёй в Праге, имеет двоих сыновей. Она узнала случайно, от общего знакомого. А потом стала получать письма из Праги. Она их складывала в пакет не вскрывая. Я её понимал: мама не прощала предательства, такой уж была человек. Я ещё удивлялся про себя – чего ж не выкинет? Оказалось, хранила для меня. Перед смертью дала мне этот пакет и сказала, что я должен решить сам, буду ли общаться со своим отцом и братьями. Она была ещё и очень справедливым человеком...

– Так ты решил не общаться?

– Да ничего я не успел решить. Закрутился. Сначала на конференции, а потом в городе со мной случилась странная история.

ПРАГА, XVI ВЕК

Рабби Лёв начертал знак на чреве гиганта и заговорил:

– Я, твой создатель, нарекаю тебя Големом. Ты, Голем, будешь слушать только мои приказы и исполнять их в точности. Если я умру, ты рассыпишься в прах, не причинив вреда никому из живущих. Ты меня понял, Голем?

Гигант медленно кивнул и вновь уставился на маленько-

го человека, только что установившего непреложную власть над ним.

– Патрулируй гетто, Голем. Если увидишь, что к нам проникли чужаки, замышляющие зло – изгони их. Если зло будет сотворено – сокруши их. Если житель гетто укажет тебе на чужака, обижающего его, накажи обидчика, но никого не трогай сверх необходимого. Ты меня понял, Голем?

Гигант кивнул.

ПРАГА, XXI ВЕК

Три полных дня я крутился на конференции, а если и выбирался в город, только со своими коллегами – мы обычно садились в открытом кафе, заказывали пиво и «вепрево колено», и в такой непринуждённой обстановке продолжали обсуждать свои профессиональные проблемы. Четвёртый день был занят только до половины; после официального закрытия конференции и прощального обеда кто-то спешил уехать, а кто-то – и я в том числе – отправился бродить по городу.

Как обычный турист, я начал со Старого Места. Конечно, Староместная площадь производила потрясающее впечатление, несмотря на толпы туристов, стекающихся сюда из боковых улочек. Но это было явно не «моё» место. Так что, полюбовавшись на двухголовую церковь «Марии у тына» и знаменитые астрономические часы, я направился через Карлов Мост к Замковой Горе, где надеялся найти то самое место,

которое мучало меня в кошмарах.

Да, место казалось похожим, но бродя среди величественных средневековых соборов и дворцов я ощущал только восторг. Возможно, не хватало темноты, безлюдности, стражников с пиками и чадающих факелов... Несколько разочарованный, я спустился к Влтаве и по другому мосту вернулся на правый берег, по карте немного выше Староместной площади. Уже смеркалось, и я решил вернуться туда в надежде, что толпа поредет. Забегая вперёд, отмечу, что надежды мои не оправдались: ярко освещенная ночная площадь просто кипела от гуляющих, глазающих и сидящих в многочисленных открытых кафе. Но эта неудача меня уже мало затронула, потому что раньше, перейдя реку, я очутился в Еврейском квартале, где и познакомился с Марией.

Еврейский квартал тоже относится к достопримечательностям Праги, но осматривать его я не собирался. Только заглянул в сувенирную лавочку рядом с синагогой. Зазвенел дверной колокольчик, и к прилавку вышла маленькая сухая старушка. Её лицо показалось мне смутно знакомым, но мало ли я видел старушек за свои сорок лет, а в Праге никогда раньше не бывал.

– Good evening! – поздоровался я.

– Здравствуйте! – ответила она с лёгким акцентом.

Я удивился: никто из пражан, которых я расспрашивал по ходу своей прогулки, не демонстрировал знания русского языка. Хотя пожилые должны бы знать его, хоть немного –

во времена социалистического лагеря русский в обязательном порядке учили в чехословацких школах. Правильно истолковав моё удивление, старушка пояснила:

– Я сама преподавала русский язык нашим детям. До 1968 года. Потом сменила профессию. Но ведь язык ни в чём не виноват – я продолжала читать русские книги, и читаю до сих пор: Пелевина, Сорокина, Акунина...

– А русские газеты читаете?

– Да. И мне вас, русских, очень жалко.

– Мне тоже, – мрачно сказал я. – И, главное, никакого просвета. Кстати, вы не из КГБ?

Она звонко рассмеялась моей шутке (кстати, шутке ли?)

– Нет, милый, я не оттуда. И я очень рада поговорить по-русски с носителем живого языка. А то всё книги да книги...

И мы поговорили, часа два. А когда я уже собирался уходить и стал выбирать сувенир, и выбрал глиняную фигурку, она сказала мне обождать. Немного погодя Мария вынесла из подсобки такую же фигурку, только потемнее и другого цвета – с сильным красноватым отливом.

– Другая глина? – поинтересовался я.

– Совсем другая. Это останки настоящего Голема.

– Но ведь останки нельзя трогать! – продемонстрировал я знание национальной мифологии.

– Ну, понемножку можно. Для благих целей, – серьёзно ответила Мария.

– Для каких это, в моём случае?

– Ты знаешь, Всеволод. Ты мне читал своё детское стихотворение – прочитай его, когда вернёшься. Прочитай вслух, и разбей этот оберег о статую идола. Статую выберешь сам; кого изображает – неважно, только чтобы стояла не очень далеко, в часе ходьбы, не больше. А читать надо вслух, и обязательно на закате. Потом иди спать. Как у вас говорят: «Утро вечера мудренее».

МОСКВА, XXI ВЕК

Альке очень понравился миниатюрный лев из темно-оранжевого стекла. Не надувная фигурка, какие обычно делают наши стеклодувы, а настоящая маленькая скульптура из цельного кусочка полупрозрачного материала благородного цвета. Чехи вообще мастера стекольного дела, а Алька – Лев по гороскопу. Я показал ей и свой сувенир – маленького глиняного голема. «Страшненький какой» – удивилась она моему выбору. «Так и надо, – загадочно ответил я. – Погуляем вечером? Тогда всё и расскажу». Мы договорились встретиться в семь в Библио-Глобусе. Потом Алька ускакала к себе на работу, а я поехал в Университет – взять бумаги для оформления командировки.

Выйдя из «Глобуса», мы пошли по Мясницкой в сторону Чистых прудов. По пути я успел рассказать своей спутнице историю встречи с Марией и ещё раз продемонстрировал миниатюрного голема.

– Мы идём к идолу, насколько я понимаю? – спросила

Алька.

– Правильно.

– А зачем? Что случится после этого твоего ритуала?

– Не знаю. Как говорила Мария, «утро вечера мудренее».

– Прости Сева, но я не верю, и удивлюсь, если ты всерьёз веришь этой пражской мистике. Лучше бы отца там искал, честное слово!

– Спокойно, Аля. Я тоже не верю. Мы просто гуляем. И играем. Разыгрываем легенду о Големе в московских декорациях.

– Не нравятся мне что-то такие игры!

– Ты что, всерьёз испугалась? – подначил я. И она, конечно, возмутилась. Чтобы она, дипломированный хирург, испугалась такой чуши!?

А вот мне было что-то беспокойно, особенно когда мы подошли к памятнику Абаю, выбранному мной в качестве «идола». Весь путь от Библио-Глобуса, а значит, и от расположенного напротив здания Лубянки занял сорок минут. Солнце садилось в тучи, но когда я кончил читать свой стишок и запустил в Абая глиняной фигуркой, тучи ненадолго разошлись, и белая статуя приобрела неприятный красноватый оттенок, а затем потемнела – быстро наплывали летние сумерки, и вдоль Чистопрудного бульвара зажглась две цепочки фонарей. Мы обогнули пруд, вернулись к памятнику Абаю с другой его стороны, дошли до метро. Потом просто разъехались по домам – Альке надо было вставать рано, на

дежурство.

ПРАГА, XVI ВЕК

Двое в комнате тихо совещались за длинным столом, сблизив головы. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник худенький подросток в разорванной одежде. Он закричал:

– Рабби, скорее! Голем... – мальчик задохнулся.

– Войди и закрой дверь, – спокойно сказал Лёв. – Помолчи и успокойся. Мальчик повиновался, хотя весь дрожал, то ли от страха, то ли от нетерпения. Когда дрожь немного унялась, рабби попросил его:

– А теперь, будь добр, расскажи, что случилось. Ты ведь подмастерье Давида?

– Да. Сегодня мы торговали, как обычно. Пришли двое и стали угрожать хозяину. Он предложил денег. Один сказал «мало», и опрокинул прилавок с товаром. На шум вышла хозяйка, и второй схватил её и стал тащить из лавки. Хозяин кинулся на него – тот его отшвырнул. Хозяин выбежал из лавки и скоро вернулся. Вместе с Големом. Хозяйка лежала, как мёртвая. Голые ноги. Кровь... И эти двое над ней... Голем схватил их, стукнул лбами и кинул в толпу у входа. Там заорали: «Стража, стража!» Тогда я выбрался из укрытия и побежал сюда. Ну скорее же, рабби!

– Пошли! – Лёв вскочил и поспешил за мальчиком, на пороге оглянувшись на собеседника. – Ты знаешь, что делать,

Иегуди!

Они успели вовремя: Голем уже разбросал стражников и пошёл на толпу.

– Голем, стой! – приказал Лёв, – и гигант замер на месте. Рабби обратился к толпе:

– Больше он никого не тронет – если вы не тронете нас. Сейчас мы уйдём, но не пытайтесь отыгаться на тех евреях, которые сейчас в городе – дайте им спокойно собраться и уйти в гетто. А завтра в полдень я жду там ваших представителей: надо договариваться, как будем жить дальше. Вместе. Потому что мы не покинем землю наших предков.

МОСКВА, XXI ВЕК

К себе в Беляево я прибыл около полуночи. Сразу же врубил ноут и просмотрел новости. Ничего особенного: арестовали очередного чиновника и очередного пикетчика, двое сварились в кипятке от лопнувшей трубы, автобус с детьми врезался в электричку. Читать не хотелось, смотреть сериал – тоже. Отчёт на ночь писать вредно для душевного здоровья, для коего хорошо бы заснуть – но спать совершенно не хотелось. Я стал просматривать на большом экране снимки Праги, день за днём, пока не дошёл до последних кадров, снятых в лавочке гетто. Мария, ласково улыбаясь, протягивала мне на ладони красноватого голема и говорила со своим милым акцентом: «Утро вечера мудренее». Тут я понял, что засыпаю, и поскорее переместился в кровать.

Я снова шёл по Чистопрудному по направлению к Абаю. В два ряда светили фонари, а людей никого не было. Совершенно никого! Конечно, ночь – но Москва и ночью не затихает, по крайней мере, в центре. Тишина и покой обволакивали, как при дайвинге. Однако я ощущал твёрдую землю под ногами, а воздух был чист и прохладен. Когда я стал перед Абаем, фигура зашевелилась, вставая со своей скамьи и распрямляясь. Статуя отделилась от постамента и зашагала по направлению к метро. Я шёл за гигантом, слегка удивлённый – но вовсе не фактом оживления, а тем, что иду за ним: ведь обычно именно человек бежит впереди, преследуемый «статуей командора».

По безлюдной Мясницкой мы спустились к Лубянке. Когда голем последовал дальше, я чуть не крикнул ему: «Стой!», но гигант сам остановился у Соловецкого камня, поднял его и повернул назад. Я увидел, что голем стал гораздо выше. «За время пути собачка могла подрасти» – хихикнул мальчишка, который угнезвился внутри моего черепа и с увлечением наблюдал за происходящим. По сравнению с тушей Лубянки голем, даже подросший, выглядел совсем маленьким. Казалось невероятным, что он сумеет разрушить здание. Повредить – да, но не разрушить. Однако голем не стал бить камнем в стены. Вместо этого он нагнулся и ударил Соловецким камнем в асфальт у центрального входа.

От двери через всю площадь зазмеилась трещина; потом она стала стремительно расширяться ко входной двери. За-

трещали стены, разрушаясь, сталкиваясь друг с другом, и проваливаясь в открывшуюся полость. «Включился» звук, и от страшного грохота я проснулся. Оглушительную тишину нарушила неуверенная птичья трель. Только начало светать – но летом светает совсем рано, так что я повернулся на другой бок и заснул.

ПРАГА, XVI ВЕК

Стол вынесли во двор и за ним, напротив друг друга, сели представители большого города – и представители гетто. Рабби Лёв сел в торце, между ними.

– В наших общих интересах, – заговорил он, – прекратить вражду. Раз и навсегда. Больше никаких жертв, ни с вашей стороны, ни с нашей.

– Чехи и немцы всегда ненавидели евреев, и вдруг перестанут? И как же вы думаете добиться этого? – поинтересовался представитель большого города.

– К сожалению, пока только страхом, – ответил рабби. – Они видели Голема, они видели, на что тот способен.

– Да уж. Шесть трупов, десятки раненых.

– А вам известно количество наших убитых и наших раненых только за этот год? – спросил рабби. – Может, и вы не считаете обитателей гетто за людей?

Воцарилось напряженное молчание.

– Бесполезно мериться взаимной жестокостью, – уже мягче продолжал Лёв. – Сейчас вы вернётесь в город и объясни-

те народу, что Голем вернётся, если любому обитателю гетто будет причинён незаслуженный вред – его жизни, его здоровью, его имуществу. Его человеческому достоинству, в конце концов. Если же все живущие за стенами гетто примут – умом и сердцем, что обитатели гетто тоже люди, как и они, тогда пражане никогда больше не увидят Голема.

– Мы принимаем ваши условия, рабби. Они справедливы, и нашим людям придётся их принять, – сказал старейшина, – но где гарантии, что Голем не взбунтуется, не выйдет без причины за границы гетто?

– Справедливо, – ответил Лёв. – Голем будет уничтожен прямо сейчас, на ваших глазах. А чтобы наши слова не казались пустой угрозой, знайте: мы возродим его в тот момент, когда договор будет нарушен. Не советую проверять – следующий голем будет не слабее своего прародителя.

Представители большого города мрачно переглянулись, и промолчали. Только самый молодой из них улыбнулся и сказал:

– Рабби Лёв, надеюсь этого никогда не произойдёт. Но давайте посмотрим дальше. Если на Прагу нападут извне, ваш голем поможет защитникам?

– Хороший вопрос, брат. Мы создадим нового Голема, но только если опасность городу будет смертельной. Если же люди сами – все жители сообща – могут защитить город, тогда магия не нужна. Голем не нужен, когда люди способны договориться между собой и отстоять свою свободу сами.

С этими словами Лёв вышел из-за стола переговоров и пошёл вглубь двора, где стоял неподвижный Голем. Приблизившись к гиганту вплотную, рабби быстрым движением достал из складок одежды кинжал, приложил его кончик к левому боку и с силой нажал. Все вскочили. Рабби упал на спину, кровь из-под него растекалась тёмной лужей. Тогда Иегуди, странно спокойный, подошел к лежащему и, взглядевшись в его лицо, движением руки прикрыл веками остекленевшие глаза учителя. Он уже вернулся к остальным, когда раздался хруст: это рушился Голем, засыпая своего создателя мелкими глиняными осколками.

Когда делегация покинула гетто, Иегуди обратился к Исааку:

– Надо собрать прах и перенести его на чердак синагоги, в раку. Собери команду и приступайте.

– Но что делать с телом рабби Льва, Иегуди? Когда мы докапаем до него...

Иегуди прервал его жестом и пошел к выходу. Он знал, что тела не будет.

МОСКВА, XXI ВЕК

– Алька, привет! Новости смотрела?

– Какие там новости! Меня ночью выдернули, прямо в операционную. Опять какой-то дом обрушился. Сейчас кофе нахлебаюсь, и снова к станку.

– Пара минут есть?

– Пара есть, не больше.

– Во-первых, всё-таки посмотри новости, когда освободишься. Землетрясение в центре Москвы не каждый день бывает.

– Ну, слава богу, в центре, не у тебя в Беляево. А во-вторых?

– Давай поженимся и родим ребёнка.

– С чего бы это? Ты же не хотел ребёнка?

– Теперь хочу. Туша провалилась.

– Какая ещё туша?

– Всё, доктор! Ваше время истекло. Иди к пациентам, а потом смотри новости. В общем, родим ребёнка и через годик все вместе съездим в Прагу, познакомимся с родственниками. А ещё – навестим Марию. Всё – до встречи!

Только не психоанализ!

В пещере у моря жил дракон. Давно жил, уже счёт годам потерял. Помнил только, что в свои юные годы ел принцесс. Потом принцессы в мире перевелись, и пришлось переходить на другую пищу. Он утаскивал в своё логово жён богатых горожан (надо же как-то блюсти традицию!), и теперь против дракона выходили не рыцари, а целые отряды городской стражи, вооруженные арбалетами и алебардами. Их он сжигал, а потом съедал: времена пошли голодные – пришлось поступиться принципами. Постепенно оружие солдат усовершенствовалось настолько, что трогать их стало опасно, а после атомной бомбардировки Хиросимы (он наблюдал за ней издалека, но с высоты видно было отлично, тем более, что у драконов зрение хорошее – 300% по человеческим меркам) с человечесьей диетой вообще пришлось покончить. Теперь он питался исключительно «дарами моря»: в основном китами и акулами, а на закуску шли дельфины.

По-видимому, из-за особенностей новой диеты мозг дракона не получал чего-то нужного, и у бедняги развилась депрессия. Вначале лёгкая, потом клиническая, с мыслями о суициде. Такие мысли – позор для настоящего дракона! К счастью, наш дракон был весьма информирован, поскольку в пещере у него уже давно был компьютер с выходом в интернет (один гринписовец – защитник дельфинов помог, за обе-

щение не трогать больше его любимцев), и поэтому он знал, что депрессию можно победить, нужно только обратиться к специалисту – психиатру или психотерапевту. Психиатр отпадал, потому что будет кормить психотропными лекарствами, а их действие на драконах совершенно не опробовано. Из психотерапевтов выбрал одного психоаналитика – очень дракону его душевный сайт понравился. Записался по интернету, обернулся человеком и пришёл на приём.

Психоаналитик, действительно, был неплох: сразу догадался, что с пациентом что-то сильно не так, и уже на третьей сессии, в процессе контрпереноса понял, что перед ним – дракон. К чести специалиста, он не испугался (и не таких типов видела его кушетка!), а продолжал работать, добиваясь инсайта. И добился! Когда он ввел пациента в понимание того, что во всех его бедах виновата «холодная мать», поскольку без должного чувства давала грудь и мало брала на руки, а также не вовремя увиденная «первичная сцена» между родителями, которая нанесла непоправимую травму нежной младенческой душе, драконья психика не выдержала. Он принял свой естественный облик, и в нём сжёг и сожрал своего психоаналитика. Из офиса наш дракон убежал, конечно, в человеческом облике с криками: «Пожар! Пожар!» После чего укрылся в своей пещере у моря.

А всё дело в том, что психоанализ противопоказан драконам: они очень любят и чтут своих родителей, особенно если те давно умерли, и всякие инсинуации по их поводу

просто сносят дракону крышу. Но что удивительно! Дракону действительно полегчало – депрессию как рукой сняло. Он не злоупотреблял полученным инсайтом, но, когда рыбная диета начинала грозить психическим расстройством, дракон шёл на приём к очередному психоаналитику. Ничего личного!

ПРИМЕЧАНИЕ. Эту информационное письмо предназначено студентам-медикам, уже выбравших специальность «психиатрия» с целью дальнейшей специализации в психотерапии. Определяясь с методом, выбирайте бихевиоризм, гештальт, логотерапию или какой-нибудь другой – благо, сейчас их придумано много. *Только не психоанализ!* Если всё же решитесь, то помните: при встрече с драконом единственный шанс психотерапевта – вовремя обнаружить сущность пациента и быстренько переправить его к другому специалисту.

Два блокнота

Дело №13/246. *«Убийство доктора Р. и побег больного К., подозреваемого в его убийстве».* Ведёт дознание следователь **Краснов И. Б.**

Вещественное оказательство №1: Шприц на 5 мл с остатками раствора для инъекции (вынут из бедра доктора Р.).

Вещественное оказательство №2: Больничная пижама подозреваемого (брошена рядом с кроватью, к которой больничными полотенцами привязан доктор Р. – обнажённый, с кляпом во рту).

Вещественное оказательство №3: Блокнот подозреваемого (обнаружен в матрасе; шов распорот, потом неаккуратно зашит):

«... Сегодня пришёл в себя настолько, что снова могу писать. Не знаю, надолго ли меня хватит, поэтому приступаю немедленно. Не из тщеславной попытки продолжить свою писательскую карьеру – с этим покончено – а как предостережение всему человечеству, в первую очередь так называемым «друзьям животных». Ничего не могу сказать о других «домашних любимцах» (возможно, вполне невинных созда-

ниях), но предупреждаю: берегитесь кошек! Они совсем не то, что вы о них думаете. Они смертельно опасны!!!

Кошки живут с вами только потому, что это им выгодно – и до тех пор, пока выгодно. Это звучит вполне невинно, не так ли? Так по-человечески! Но кошка – совсем не человек. Она не уходит со слезами, как брошенная женщина или преданный вами друг. Она обязательно мстит. Но не по-человечески! Сердце кошки – это чёрный колодец, в котором копошатся неведомые нам твари. Глаза кошки – Нет! Не могу!

Вчера я был слишком взволнован, и текст выше выглядит как бред. Сегодня мне лучше, и я надеюсь, что смогу рассказать свою историю достаточно спокойно и связно, чтобы люди ей поверили. Или хотя бы приняли во внимание.

Всё началось прошедшим летом. В моей городской квартире стало невозможно не только работать, но и просто жить: к жаре прибавился ремонт в подъезде и на лестничных клетках. Непрерывный шум, который время от времени взрывался бурением, сотрясающим весь дом; запах краски, лезущий из всех щелей... Короче, ад. Поэтому предложение моих друзей пожить у них на даче, пока они будут в двухмесячной зарубежной командировке, пришлось весьма кстати. Собрав **сумку с документами и одеждой** и прихватив ноутбук, я прибыл в дачный посёлок – чудесное место и для работы, и для отдыха: огромный огороженный участок, двух-

этажный стильный дом со всеми удобствами.

Детально ознакомив меня с хозяйством, Пётр и Маша познакомили меня и с питомцами – семейством дворовых котов, добровольно взятых на содержание. Семейство получало достойное питание, за что избавляло участок от набегов мышей и посторонних котов. Кроме того, примите во внимание элегантные кошачьи позы в периоды сна и ленивого бодрствования, а также грациозные игрища молодых котов – просто картинная галерея, театр и цирк в одном флаконе, только выгляни в окно. Хозяева оставили для своих любимцев два больших пакета сухого корма и массу разнообразных пакетиков с мягкими кусочками мяса и рыбы в соусе; двухмесячный запас занимал целую полку на кухне. На меня возлагалась обязанность два-три раза в день наполнять кошачьи миски.

Кошачье семейство состояло из четырёх особей: чёрно-белый кот-отец по имени Бантик (ласкательное от исходной клички Бандит – за зверские драки с котами, претендовавшими на его даму или территорию; ухо порвано, морда в шрамах), палевой расцветки кошка-мать (имени, данного хозяевами, я не запомнил, для себя называл её «Мамашка») и двое котят-подростков мужского пола, поделивших отцовскую расцветку: один белый, с небольшими серыми пятнами на носике и боках, другой чёрный, с белой манишкой и кончиками лап. Первого я называл Беляш, а второго – Черныш.

С котами я подружился: Бантик сам не ласкался, но при-

знательно мурчал, когда я его гладил или чесал за ушком. Молодые коты еще не совсем вышли из детского возраста, и были не прочь поиграть со мной, особенно Беляш – он вообще был очень подвижен, умён и общителен. Постоянно путался под ногами, когда я выходил из дома, но я совсем не возражал: его выходки отлично поднимали настроение. Да, с котами я прекрасно ладил, а вот с кошкой – нет. Вначале Мамашка не вызывала у меня никаких чувств, как и я у неё. Как оказалось, до поры до времени.

Сейчас я с трудом могу заставить себя вспомнить тот день, когда я... Впрочем, по порядку. Конфликт между мной и Мамашкой назревал постепенно. Мы с ней вообще общались только во время кормежки. Тогда всё и началось. Я выносил две миски – по одной на пару, чтобы животные не толкались. Вначале мне просто не нравилось, что мамашка отпихивает котов в сторону и выбирает самые аппетитные кусочки. У меня никогда не было животных, и я думал, что в группе так и положено: преференции самке. Но вскоре она стала когтить мои руки, когда я опускал миски с кормом на землю, как бы поторапливая, и не обращала никакого внимания на мои окрики и лёгкие пинки. Заметьте, ни один из котов ни разу не царапнул меня, даже в разгар игры, даже когда я смазывал Бантику новые боевые раны на морде – их когти всегда были надёжно спрятаны в подушечках.

Царапины на моих руках от Мамашкиных когтей с каждым днём становились всё глубже; после каждой кормёжки

я их промывал и смазывал йодом, и вскоре мне уже нестерпимо хотелось пнуть тупое животное как следует. Только лояльность хозяевам дачи удерживала меня: они почему-то особенно любили эту кошку. Но в один прекрасный день она такхватила меня когтями, что я просто взвыл от боли и одновременно, не помня себя, схватил Мамашку за хвост и зашвырнул в кусты. Чисто рефлекторно. Помню, как удивился, ощутив прочность связки хвоста с туловищем. Три кота в удивлении посмотрели на меня, а потом спокойно принялись за свой завтрак.

Бросок не причинил Мамашке видимого вреда. Изящно приземлившись, она удалилась. И больше не появлялась, чему я был только рад. Мои три кота, кажется, тоже по ней не скучали. Через месяц приехали хозяева, и мы всей компанией встречали их на пороге. «А где наша кошечка?» – спросил Пётр. «Да загуляла, уже дня два не появляется», – ответил я. И тут в моё лицо влетел царапающийся и орущий комок. Когда Петру удалось оттащить его, сквозь заливавшую глаза кровь я вначале не поверил своим глазам. Это был Беляш, мой любимец! Кот был совершенно не похож на себя: всегда такой ласковый и игривый, он неистово вырывался и злобно шипел на меня. Хозяин завернул Беляша в полотенце, засунул в старую кошачью переноску и сказал, что немедленно отвезёт его проверить на бешенство и сразу же сообщит мне результат.

Они уехали. Днём я вынес оставшимся двум котам их

обед – они спокойно поели. Потом позвонил Пётр, сказал, что Беляш совершенно здоров, но они оставили его в кошачьем приюте, «на усыновление». Котик совершенно успокоился, игрив и ласков, как всегда – новые хозяева его любят, а они с Машей приедут на дачу через несколько дней, на выходные; тогда и поговорим подробнее. Но я решил не дожидаться их приезда: книгу я дописал, и ремонт дома тоже закончился, как сообщил мне по мобильнику сосед. Пора было возвращаться в город, но я решил задержаться на пару дней, чтобы немного затянулись шрамы, оставленные когтями предателя Беляша. «Тоже мне, Кот-обличитель!» – с обидой и гневом думал я, не зная, что самое страшное ещё впереди.

Перед сном я обычно гуляю по круговой дороге, опоясывающей посёлок. С обеих сторон этой заасфальтированной дороги, известной как «круг», расположены такие же дачные участки, и многие их обитатели тоже выходят на вечерний променад. Обычно по двое-трое, с детьми и собаками. Посёлок элитный, и никто друг другу не мешает и не шумит, даже собаки ведут себя тихо и дружелюбно – все культурно наслаждаются загородной жизнью. Но в тот проклятый день вечернее благолепие было нарушено. Мною.

Я накинул куртку (вечерами становилось уже прохладно), вышел на террасу дома, прикрыл тяжёлую входную дверь и уже повернул ключ на один оборот, когда спиной почувствовал опасность: будто холодной водой окатило. Резко обер-

нувшись, я увидел внизу, на тёмной дорожке, ведущей к калитке, горели три (!) пары глаз. Меня поразило не это – фосфоресценцию кошачьих глаз в темноте я уже наблюдал, и не однажды, и даже не их количество (напомню, котов оставалось только двое), а цвет одной пары – не обычный синевато-зелёный, а тёмно-красный. Не могу объяснить почему, но ужас обуял меня, и я, обогнув глаза, помчался к калитке – к людям, к свету фонарей на «круге». Сзади раздался истошный кошачий визг, и я не стал отпирать калитку – просто взлетел на забор и свалился снаружи.

Лёжа на спине, я испытал такое облегчение! Ближайшая прогуливающаяся пара уже подбегала ко мне, когда сверху, с забора на меня ринулись два красных глаза. Я закричал и потерял сознание. Очнулся уже здесь, в психушке, как я сейчас понимаю. Думаю, меня кололи очень сильными препаратами, а потом снизили дозу, и я постепенно пришёл в сознание. О случившемся со мной я никому не рассказываю, даже лечащему врачу – скорее выпустят. Но с каждым днём всё яснее вспоминаю подробности и начинаю задумываться. Ладно, пусть красные глаза мне почудились (возможно, у некоторых особей цвет фосфоресценции и правда красноватый), но одно не даёт мне покоя. Только одно. Беляш.

Я любил этого молодого котика, а он любил меня – я в этом уверен. Так что же с ним случилось в тот момент, когда я соврал хозяевам о Мамашке? В Беляша будто бес вселился. И я знаю этого беса. Мамашка. Она овладела сознанием

котика и через него напала на меня, а потом хотела прикончить той ночью. Знаю, звучит это как бред. Но учтите, я уже три дня не принимаю никаких таблеток (просто держу за щекой, а потом выплёвываю), и голова моя постепенно очищается. Два дня назад я нашёл в общей комнате забытый кем-то блокнот и начал тайно вести в нём эти записи. Есть у меня чувство, что Мамашка не остановится, пока не доберётся до меня. А если таких «мамашек» много? Люди должны знать! В случае моей смерти – здесь или на воле (а я постараюсь выйти отсюда как можно скорей и уехать из страны как можно дальше) этот блокнот останется свидетельством и предостережением.

Мой врач читал блокнот! Ночью вытащил из-под подушки и прочитал – я уверен! Его глаза на утреннем обходе – зрачки НЕ КРУГЛЫЕ! Они сильно сплюснены с боков. После осмотра сказал, что мне нужен «лёгкий успокоительный укол» – и ушёл в процедурную, готовить укол. Только это уже не врач, а Мамашка! Знаю, что это будет за укол! Спрятать дневник, СКОРЕЕ!»

Дело №13/246. «Убийство доктора Р. и побег больного К., подозреваемого в его убийстве».

Рапорт следователя **Краснова И. Б.** от 12 ноября 2019:

Опрос хозяев дачи и соседей.

Пётр и Мария П., хозяева дачи, в которой жил подозреваемый перед своей госпитализацией, в целом подтвердили его записи, касающиеся их приглашения для временного проживания на даче, а также эпизод, случившийся в день их возвращения из командировки. Они охарактеризовали подозреваемого как мягкого и вполне вменяемого человека, с которым были знакомы более 10 лет. Вернувшись на дачу после инцидента, они очень удивились, не обнаружив ни подозреваемого, ни записки от него. Было такое впечатление, что К. просто вышел погулять – и не вернулся. Забеспокоившись, они набрали номер К. – но его мобильник зазвонил в доме, в гостевой комнате, которую он занимал. Тогда хозяева пошли к соседям и с их слов воссоздали события, случившиеся в тот вечер.

Опрос соседей. По словам соседей, К. перелезая через забор, упал на спину. Когда они подбегали к нему, чтобы помочь, с забора на К. прыгнула большая кошка, но их пёс с яростным лаем кинулся к ней и погнал «по кругу». Они особо отметили, что обычно он не реагировал на кошек. Но в тот момент об этой странности они не думали, потому что вызывали скорую помощь соседу, лежащего без сознания. Что с ним случилось потом, соседи не знают. На мой вопрос, вернулся ли их пёс, они с некоторым удивлением ответили, что да, конечно, вернулся. На второй вопрос, изменилось ли его

поведение, в частности, реакция на кошек, ответили, что никаких изменений не заметили. Правда с той самой палевой кошкой с соседней дачи он больше не встречался. «Может, он её задрал?» – спросил я. «Нет, – уверенно отвечала соседка. – Я заходила к Маше. Их палевая с ними, и прекрасно себя чувствует. Просто не выходит за пределы участка».

После опроса соседей я вернулся на дачу с целью осмотреть гостевую комнату, где жил подозреваемый. К сожалению, собрать новые вещдоки не удалось: комната была уже убрана и подготовлена для нового использования. Хозяева объяснили, что им удалось узнать, куда был госпитализирован К., но навестить его там они не смогли, так как он находился в реанимации, и без сознания. Они вернулись на дачу, собрали все вещи К. в его сумку, а сумку сдали в клинику, в камеру хранения для передачи К., когда тот очнётся. После этого полностью убрали гостевую комнату, так как им в скором времени предстоит длительная (двухгодичная) командировка в Китай, и они намереваются на это время поселить там другого знакомого, чтобы он присматривал за дачей и кормил котов. «А нашу кошечку возьмём с собой», – сказала хозяйка, поглаживая палевую кошку, раскинувшуюся в кресле. – Просто не можем с ней расстаться».

На этом мой визит в посёлок был завершён. Считаю, что записи в блокноте (вещдок №3) в основном соответствуют действительности, но преломленной через сознание психически больного человека, заболевание которого критически

обострилось к моменту госпитализации. Поиски К., разумеется, следует активно продолжать, уже потому, что, находясь в состоянии острой невменяемости, он представляет реальную опасность для окружающих.

Флоренция, 29 февраля 2020.

Уже четыре месяца я живу в этом прекрасном городе и жалею лишь о том, что здесь не родился и не провел всю свою жизнь. Похоже, лишь в одном мне улыбнулось счастье: здесь я умру. И возможно, очень скоро. Мой друг, в доме которого я приходил в себя после побега, знает всю историю, и записываю я её лишь по старой писательской привычке, как продолжение первой части, оставленной в матрасе психиатрической клиники. Но не только. Будучи мизантропом, как утверждают мои знакомые, я всё же считаю своей обязанностью предупредить об опасности, грозящей человечеству, возможно, самому его выживанию как вида. Уверен, что следственные органы России нашли мой первый блокнот и приобщили к делу; считай, первая часть опубликована, хотя бы, и для служебного пользования, в одном экземпляре. Это вторая часть.

Начну там, где остановился. Итак, «доктор» ушёл гото-

вить инъекцию, а я в страшной спешке сделал последнюю запись и спрятал блокнот в матрасе. Когда «доктор» появился со шприцом наперевес, я, взглянув в его еще более сузившиеся зрачки, отправил потенциального отравителя в нокаут (юношеские боксёрские навыки впервыегодились мне в зрелом возрасте), быстро раздел его, уложил на свою койку и зафиксировал полотенцами. Он уже начал приходить в себя, но кричать не мог – я позаботился о кляпе. Подняв с пола откатившийся в сторону шприц, я ввёл его содержимое в бедро лежащего существа, которое уже не считал человеком, по крайней мере, на данный момент. Если я неправ, то успокоительное не принесёт ему вреда, и он останется жив и здоров. Если же прав – я действовал в пределах необходимой обороны.

На пике выплеснувшегося адреналина я действовал необычайно быстро и безошибочно: скинул свою больничную пижаму, натянул докторскую одежду, вынул из нагрудного кармана магнитный ключ-карточку и покинул палату, предварительно заперев её, чтобы доктора обнаружили как можно позже. Ориентируясь по схеме помещений клиники, висящей за дверью, я прошёл в кладовую, по записям в журнале отыскал свой шкафчик, открыл его с помощью той же ключ-карты и обнаружил там свою плотно набитую сумку (спасибо Пете и Маше!) Поскольку окна моей палаты выходили прямо на больничную стоянку, то я уверенно направился прямо к машине доктора (ключи обнаружились в кармане

брюк, а в другом кармане – его бумажник) и быстро вырулил на шоссе, ведущее к Москве и дальше – в аэропорт.

Мне повезло: доктора до вечернего обхода, наверное, не хватились, потому что я спокойно купил билет в Париж по своему международному паспорту (он был в сумке), прошёл контроль, и через три часа уже покинул аэропорт Де Голля. Тут уже становилось горячо: меня могли объявить в международный розыск. Но я знал, что делаю. В Париже жил один из двух моих закадычных школьных друзей: он сколотил состояние в «дикие девяностые» и успел вывезти его и обосноваться как добропорядочный буржуа во Франции. Естественно, со связями в полукриминальной русской диаспоре, его коллегами по прошлым бурным временам.

В тот же день с новыми документами на имя французского гражданина (неважно какое, это имя мне тоже предстояло сменить), я вылетел в Рим, а потом во Флоренцию, где обосновался второй член нашего школьного братства. У него я провел первый месяц, пока успокаивался и обзаводился новым комплектом документов, а потом подыскивал себе жильё и работу. С моим знанием трех языков (французский, итальянский, испанский) и общим образовательным уровнем это оказалось нетрудно, и теперь я – научный сотрудник **аналитического отдела** правительства Италии, флорентийский филиал. Очень полезная должность в свете последующих событий.

Новый 2020 год совпал с первыми сообщениями о коро-

навирусе в Китае. Из нашего анализа следовало, что Италия, фактически вне зоны риска – слишком далеко, да и опасность в январе представлялась не слишком грозной: очередной китайский вирусный «подарок». Однако, когда в феврале Италия неожиданно стала превращаться во второй очаг глобальной эпидемии, наш отдел занялся проблемой всерьёз. И снова не нашёл ничего, что выделяло бы Италию среди прочих европейских стран. И тут, в ночь на 20 февраля мне приснился странный сон.

Я увидел Петра и Машу, гуляющих по китайскому рынку. В принципе, ничего странного в этом не было: у них совместное с китайцами предприятие, и они часто бывают в Китае. Неприятно поразило меня во сне, что Маша держит на руках палевую кошку и ласково так ей говорит: «Смотри, лапочка, это тоже мышки, только летучие, Правда, интересно?» Мамашка, действительно, с интересом тянется к уложенным в ряд тушкам летучих мышей. И тут я замечаю, что из кошачьего черепа к мышам тянется чёрная туманная лета и как бы засасывается в голову одной из мышей. Потом кошка переводит взгляд на соседнюю клетку со странным животным, похожим на вставшую на задние лапы еловую шишку, и пристально смотрит на него. Я с непонятным страхом замечаю, что из уха летучей мыши вылезает черная полупрозрачная лента, и зверёк-шишка заглатывает её, задерживает в себе на несколько минут, а потом «переправляет в рот Мамашке.

Никто ничего не замечает. «Пошли, – говорит Маша, – опоздаем в аэропорт».

Мой сон продолжается. Теперь Мамашка лежит у Петра на шее. Они без багажа; похоже, просто кого-то встречают. Маша разглядывает табло и говорит мужу: «Зря спешили – опаздывает на час. Пошли в кафе». Когда они идут вдоль стоек регистрации, от ближайшей из них с обозначением «Рейс № 3422 на Милан» отходят два молодых китайца, только что сдавших свой багаж. Мамашка издает длинное «Мя-у-у-у», в течение которого изо рта у неё вылезает чёрная лента и впитывается в головы проходящих мимо китайцев. Тут я просыпаюсь, и мне почему-то страшно.

Через пару дней мы узнали, что в Италии зафиксирован первый случай заболевания. Двое китайских туристов проехали почти по всей Италии, с севера на юг, начиная от Милана, и были госпитализированы лишь в Риме. Инфекция, начавшись в Милане, постепенно захватывает и другие города северной Италии; вчера сообщили о первых случаях во Флоренции. Мне и самому странно думать, что виной всему мой приезд сюда – но что прикажете делать со странными обстоятельствами моего побега из России и с моим «провидческим» (?) сном. Я намерен серьёзно с этим разобраться, используя все возможности своей работы. Разумеется, пока не будет собрано достаточно убедительных данных, я не могу обратиться к официальным лицам.

Боюсь, моя первоначальная демонизация кошек в корне ошибочна и, возможно, была инициирована самой Мамашкой с целью упрятать меня в психушку. Эта **враждебная сущность**, которая может манипулировать сознанием и поведением людей и животных, в том числе и на генном уровне, представляет смертельную угрозу для человечества. Назовём эту сущность «чужие». Необходимо понять, что она собой представляет, откуда взялась, насколько распространена, как её обнаруживать и как с ней бороться. Я уверен, что мой случай – не единичный случай, точно так же, как Мамашка – не единственный живой контейнер для реализации чужих. Скорее всего, таких «Мамашек» много, и не исключено, что чужие уже давно действуют на Земле. Значит, моя задача – отыскать другие доказательства этой деятельности и представить их совокупность в таком виде, чтобы человечество, наконец «проснулось» и начало защищаться.

Этот блокнот и результаты моих изысканий будут храниться в надёжном месте. Кроме меня, о нём знает лишь один человек, никак со мной не связанный, кроме добровольного обещания хранить тайну места – и немедленно сообщить о нём в полицию в случае моей смерти».

«Вечерняя Флоренция» от 15 марта 2020 года.

Сегодня ранним утром на площади Синьории, точнее, рядом с одним из львов Медичи в лоджии Ланци был обнаружен труп мужчины средних лет. Событие не только чрезвычайно редкое для нашего города, но и загадочное, поскольку мотив ограбления полностью исключён. Как сообщил наш источник в квестуре, человек был не просто умерщвлён, но подвергался пыткам перед смертью. Более того, днём к нашим карабинерам прибыла целая делегация из квестуры Рима, которая находится здесь до сего времени. Поскольку скандальное событие и его неожиданный резонанс скрыть не удалось, на завтра назначена пресс-конференция с участием шефа квестуры и мэра Флоренции. Жители города вправе знать, что произошло, и какие меры им следует предпринять, чтобы защитить себя и своих близких.

Пси-сказка

Ладно, котёнок, только САМУЮ последнюю. Потом ухажу, а не заснёшь – твоя проблема. Значит, договорились: последняя сказка. Тебе какую? Что, опять страшную? Ну что ты за ребёнок! Хорошо-хорошо, слушай.

Был я тогда совсем молодой, можно сказать, совсем зелёный. Только перешёл на третий курс Первого Меда. Денег не хватало катастрофически. Нет не голодал, на еду хватало, а вот на новые шмотки и девочек – уже нет. Каких девочек? Хм... Вырастешь – узнаешь. Нет, надеюсь, что мальчиков. И кончай меня прерывать, или сейчас уйду! То-то же... Ну, хватит лизаться, продолжаю. Итак, мне предложили поработать со стариком после удаления у него опухоли мозга. Психическая реабилитация, чтобы мозги правильно встали на место. Конечно, был я тогда не весть какой специалист, только готовился специализироваться по психиатрии, но тут психиатра и не требовалось. Сын этого старика-пациента, тот, который меня нанимал, хотел просто чтобы я разговаривал с отцом, развивал его. Всё-таки не пустая болтовня сиделок, а почти готовый доктор – и за сравнительно небольшую цену. (Сейчас, доча, я за такую плату и кота лечить не буду). Договорились с сыном на раз в неделю, в воскресенье, по два часа максимум.

И вот в первое воскресенье вхожу я в отдельную пала-

ту-люкс к своему пациенту. Сын стал у стеночки, наблюдает. А я прямо к старику: представляюсь, спрашиваю, как его зовут, когда родился. Что приятно, говорит свободно, хотя и путается с годом рождения. Сын поправляет – отец упрямится, я говорю, что неважно. Ну, сын после этого слинял, а у нас два часа пролетели быстро: пациент разговорчивый, сам рассказывает о жизни, о родительской семье. Мне остаётся только направлять беседу ближе к его взрослой жизни, а потом и к последним событиям – его опухоли и операции (вот тут не торопиться, осторожно!) В общем, никакой грубой патологии я не заметил. А что его якобы учил плавать старший брат, который утонул в возрасте 5 лет – так это бывает. (И нечего смеяться – если бы тебе кусок мозга отрезали, ты б мне такого порассказала!) Стихи мне декламировал, Василия Тёркина. Я проверил: печатный текст разбирает. Узнал, какие книги он хотел бы почитать – не знаю лучшего способа тренировки мозгов, чем чтение. (Учти, котёнок!) Расстались мы через два часа с трудом – он всё порывался что-то ещё рассказать. Тут, слава богу, обед подоспел.

Перед вторым визитом я попросил сына встретиться со мной пораньше. Мне нужно было узнать о пациенте побольше, и не с его слов, сама понимаешь. По-нашему это называется «взять анамнез» (запоминай, доча). И запомнился мне на сам анамнез, а реакция сына. Какая-то смесь любви, жалости и злости. На что? На то что его папа, такой умный и сильный, вдруг превратился вот в этакое... Ну ладно, рано

тебе всё это знать. Надеюсь, и не узнаешь. Но вот что тебе знать надо о данном клиническом случае – то, что сын рассказал о тараканах в голове отца. Точнее, не тараканах, а о муравьях. «Вчера мы опять с ним муравьёв из его черепа доставали», – говорил он мне с кривой усмешкой. Ну, я не особо удивился и испугался. Что не удивился – читал о галлюцинациях, связанных с органическим поражением мозга. А что не испугался – я ведь в роли терапевта, не родственника, а это значит, котёнок, что эмоции у меня только те, которые могут помочь пациенту. Вот на этом уровне мы с ним и общались, и никакой явной патологии при этом пациент не проявил.

И вот настало ТРЕТЬЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ... (Не визжи, мама услышит! И вообще, будущий врач ничего не должен бояться!) Так вот, прихожу я к пациенту в третий раз. Ничего нового не вижу, если не считать того, что швы вокруг его вмятины, вроде, сильнее выделяются – какие-то розоватые, слегка воспалённые. «Наверное, показалось, – думаю. – Вначале не заметил, не приглядывался особо».

До обеда мы успели обсудить книги – Белого Клыка он прочитал, даже два раза («Ага, -думаю, – надо будет ему ещё Джека Лондона принести»), а рассказы Пикуля не до конца одолел, но всё порывался пересказать мне какие-то фрагменты. Вижу, трудно ему это даётся – память подводит, и чтобы не переутомлять пациента и не дать ему концентрироваться на отрицательных эмоциях, предложил сыграть в

шахматы. Со слов сына отец хорошо играл, а теперь вот про-
дул ему, причём легко. Ещё одна сыновья боль. Начали мы
партию бодро, но закончить не успели: пришла сиделка, по-
вела в столовую на обед (неделю назад ему сюда приносили).
Я тоже собрался уходить, но пациент попросил подождать,
мол, надо доиграть. Вернулся он, доиграли. Я, впрочем, не
слишком напрягался, и пациент победил. И вот тут началось
интересное...

Похоже, проиграв, я вошел в его ближний круг, и пациент
заговорил «начистоту». Сначала про муравьёв, которые за-
велись у него в голове, потому что врачи схалтурили, неплот-
но закрыли череп после операции. Потом муравьи преврати-
лись в лягушек, которые там внутри прыгают, да так точно –
«от икринки к икринке». Наконец, появилось новое действу-
ющее лицо – жаба. Все мои попытки перевести разговор ни
к чему не приводили – пациент был слишком увлечён жив-
ностью внутри своего черепа. Надо было срочно прерывать
развитие бреда. Я сунул ему под нос свои наручные часы и
сказал, что у меня встреча, уже опаздываю.

Мы попрощались, я в последний раз взглянул на его череп
и обомлел: вокруг швов копошились мелкие чёрные точки.
«Господи, муравьи!» Муравьи заполнили всю впадину, из их
кучи стала вылезать лягушачья лапа, и тут я не выдержал –
вскрикнул и отвёл взгляд. Но тут же устыдился и снова по-
смотрел на пациента. Он глядел на меня ясными глазами.
Череп абсолютно нормальный, если не считать вмятины, и

швы еле заметны. Я пошел к полуоткрытой двери, как вдруг заметил там внизу большую лягушку, скорее, жабу. Вид сзади. «Вот чёрт! Наведённая галлюцинация!» – подумал я, а галлюцинация повернула голову и сказала:

– ПОЙДУ, ПОЛЕЧУ СОСЕДА. ПОКА, КОЛЛЕГА, ЕЩЁ УВИДИМСЯ!

Из-под одеяла доносится хихиканье: «Но это же смешная сказка, а не страшная!» «Нет, страшная, – не соглашаюсь я. – Всё было так на самом деле. Именно так!» Молчание. Потом: «А что было дальше со стариком? Он выздоровел?» Я отвечаю честно: «Не знаю. Я больше не приходил туда. Не мог себя заставить... А теперь всё! Спи!»

Я решительно закрываю дверь в комнату дочери, пересекаю тёмную гостиную и вхожу в нашу спальню. Мягкий свет. Жена, полусидя, читает в постели. Она поднимает глаза от книги и устало улыбается мне: «Уложил?» «Уложил». «Тогда забирай свою подружку и давай спать, наконец». Я быстро снимаю со своей подушки жабу и отношу её в террариум. Она широко, во весь свой жабий рот улыбается мне и говорит:

– СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Такое время

Он сидит на скамейке, вытянув вперёд ноги в заляпанных весенней грязью кроссовках. Ноги дрожат. «Всё-таки я сегодня перебежал» – думает он. А всё потому, что бег так хорошо снимает страх и отчаяние, особенно если в ушах у тебя капельки наушников, откуда прямо в ухо льётся увлекательная история. Но сейчас плеер выключен, и человек на скамейке напряжённо прислушивается и просматривает обе стороны длинной аллеи, чтобы нырнуть в лес при появлении группы людей (они всегда группами!) в чёрной форме. Он так напряженно вслушивается и всматривается, что замечает рядом другого лишь когда тот спрашивает: «Можно присесть?»»

Олег кивает: человек кажется неопасным, даже симпатичным. Незнакомец опускается на дальний конец скамейки, а Олег оценивает, возрастает ли опасность? Если появится полиция, двоим легче будет их заморочить? Или не легче? Он уже склоняется ко второму варианту и начинает подниматься, когда незнакомец спокойно советует:

– Лучше останься. Надо поговорить. Расслабься: полицейских в этом районе сейчас нет, и еще долго не будет.

Олег почему-то верит и опускается на скамейку, с интересом вглядываясь в знакомого. Просто человек, и одет просто – потёртые джинсы и футболка.

– Кто вы? О чём поговорить? И почему на ты: мы разве знакомы?

– Я Скаут, а ты – Олег. Теперь мы знакомы, а «ты» для сокращения дистанции. Хотя тебе, как потенциальному самоубийце должно быть всё равно, на «ты» или на «вы». Хорошо, что пока не всё равно.

Олег ошалело смотрит на него. Он никому этого не говорил, да и некому было. Последние три года, после закрытия его лаборатории, он провёл в абсолютном одиночестве. Он, конечно, пробовал продолжать работать: писал статьи и даже начал книгу. Но без особого энтузиазма: научная работа требует среды, живой среды соратников и оппонентов. Без неё – как в безвоздушном пространстве, даже при наличии интернета. Впрочем, и через интернет сейчас опасно. Был бы помоложе, уехал бы за границу вслед за своими аспирантами, работал бы в новом коллективе, под руководством... Нет, ему поздно работать под руководством. Как и его бывшим коллегам, с которыми он давно потерял связь. Кто-то уехал за рубеж к семье, кто-то спился, кто-то просто умер в последнюю эпидемию, как родители Олега. Свою семью он так и не завёл. Спиваться не хотел.

– Предлагаю отложить, – бодро продолжает Скаут. – Предлагаю другой вариант, поинтереснее.

И начинает рассказывать о некоем проекте, цель которого – освоение новой планеты. Планета земного типа, но без разумной жизни. Зато неразумной – море пруди, и все очень

агрессивные.

– Поэтому начинаем с постройки сети коммуникаций, попросту дорог, – говорит Скаут. – Работают бригады лесорубов, оградителей и дорого-укладчиков. Самое опасное – вырубать просеку. Однако это же и самое интересное – бригада пробивается как по вражеской территории. «Один за всех, все за одного!» Конечно, не научная лаборатория, но мозги в этой ситуации очень нужны. Ты нам нужен.

Олег поражён, и не столько фантастичностью проекта (сойти с ума – вот этот четвёртый вариант для отставных учёных он раньше не рассматривал), сколько тем, что он ещё кому-то для чего-то нужен. Скаут улыбается:

– Именно так! Если хочешь попробовать – контракт на шесть месяцев, с правом продолжения. И должен предупредить, до этого права доживают не многие. Но тебе ведь это не так уж и важно? Зато гарантирую интересную жизнь и сплоченный коллектив. Ну как, по рукам?

Он протягивает руку ладонью вперёд, и Олег без колебаний бьёт по ней своей ладонью. Он не чувствует себя сумасшедшим, а если это игра – то занятная. Почему бы и не поиграть?

Это оказалась не игра. В следующий же миг Олег очутился в совершенно другом месте. Он стоял в свободном торце

узкой комнаты без окон. Слабый свет шёл от стен, и Олег мог рассмотреть, что две трети комнаты занимают койки со спящими людьми: слышалось мерное дыхание и лёгкое похрапывание. Шесть коек, по три слева и справа, вдоль каждой стены; четыре внизу, две наверху. С верхней правой мягко прыгнул человек и протянул Олегу руку:

– Андрей. Добро пожаловать, Олег. Пойдём-ка отсюда, нам надо поговорить, а ребят будить не надо – сегодня мы впятером еле управились. Завтра будет легче: с тобой выйдем полным составом. Пошли, всё объясню.

Андрей, не выпуская руки Олега, ввёл его через боковую дверь в другую комнату с длинным столом в окружении шести стульев. Закрыв за собой дверь, Андрей провёл рукой по гладкой стене там, где обычно находится выключатель, и в комнате стало светлее. Теперь Олег мог рассмотреть его лицо: обычное человеческое лицо, с резкими, мужественными чертами. И вообще Андрей напоминал полицейского, но не разожравшегося полиция с садистской усмешкой в глазках, а «правильного» полицейского-защитника, которые давно исчезли с городских улиц.

– Садись. Это наша столовая. Пить-есть хочешь?

Олег помотал головой. Единственное, что он хотел сейчас – это проснуться, но ничего не выходило, и сон (если это был сон) продолжался.

– Тогда к делу. Скаут уже дал тебе вводную. Теперь краткий инструктаж по прибытии. Во-первых, это не сон, так

что перестань себя щипать. Во-вторых, ты работаешь по контракту под моим непосредственным начальством, потому что я командир. Или бригадир, если тебе так больше нравится. В-третьих, работать начнёшь вместе со всеми с утра, конкретные указания получишь на месте и по ходу дела. Тогда и с ребятами познакомишься. У нас никакой дедовщины и выпендрёжа: мы просто не можем себе этого позволить. Почему – это увидишь сам. Вопросы есть?

– Много. Но сейчас только один: кто такой Скаут? Вербовщик?

– Скаут не имя, а должность. Разведчик. Ищет людей, которые подходят для этой работы. А потом да, вербует. Ну что, пошли спать? Санитарная комната напротив. Твоя койка – прямо под моей.

Андрей встал и вышел из столовой, а Олег задержался. Захотелось выпить, но ничего кроме пива в холодильнике не нашлось. «Спасибо и на этом», – пробормотал он себе под нос, закусывая сухариками.

Утром собрались быстро: душ, завтрак, облачение в рабочий костюм, и на выход. Олег успевал с трудом, и то лишь потому, что сразу после пробудки над ним взял шефство сосед с койки напротив. Молодой светловолосый парень с лицом потомственного интеллигента, но с фигурой и мускулами профессионального спортсмена.

– И у тебя такие же будут, когда поработаешь с нами ме-

сяц-другой – весело пообещал тот и представился:

– Виталий! Всё что тебе понадобится – в ящике под койкой. Смотри! – Он выдвинул свой ящик. – Видишь: щётка, паста, расчёска, бритва, полотенца, бельё, спорт-костюм для базы, рабочий костюм для леса, луче­мёт. Сначала в санитарный отсек, потом на завтрак, потом на лесоповал. Ну, пошли, партнёр!

Когда они все вместе вышли наружу Олег впервые по-настоящему поверил, что он уже не на Земле. Дышалось легко, но воздух был чужой: то ли другое соотношение компонентов, то ли незнакомые добавки. Скорее всего, и то и другое. Небо синее, но такой вот оттенок можно наблюдать лишь изредка, причём на закате, никак не с утра. Но главное – Лес. Даже лесом нельзя было назвать это скопище гигантских папоротников, хвощей и кактусов. Однако чувствовался некий порядок: «деревья» не мешали друг другу и оставляли достаточно места и солнца для пышного травяного покрова внизу.

– Стоять, Олег, – негромко сказал Андрей и сбил луче­мётом наливавшуюся почку на ближайшем «кактусе». – Виталий, введи его в курс дела.

– Из такой почки через одну две-секунды выскочит лассо и забросит зазевавшегося в лес. И больше мы его не увидим – прокомментировал Виталий. – Посмотри влево.

Олег посмотрел и увидел широкую просеку с выжженной дочерна землёй.

– Мы шли здесь вчера, – пояснил Виталий. – А теперь

направо – сюда мы пойдём сегодня.

– Почему тут деревья сверху красные, будто их присыпали...

– Разметка для просеки. Здесь пройдёт дорога. За нашей бригадой идут еще две: оградители навешивают силовую защиту по бокам просеки, а потом уже идут дорогоукладчики. Наша задача – пройти за день десять километров, и пройти достаточно быстро, чтобы войти в следующую базу до темноты.

– А если не успеем? – поинтересовался Олег.

– Не советую. Сам я не видел, но Андрей говорит, что в сумерках лес становится особенно опасным, вроде бы появляются ночные хищники. В общем, опоздавшие не выживают. Иногда всей бригадой. Теперь слушай внимательно. Идём в строгом порядке. Видишь парня рядом с Андреем? Это Юрка, разведчик. У него, кроме лучемёта, есть щуп – это его основной инструмент. В траве ловушки – замаскированные пустоты. Человек проваливается со скоростью свиста. Такое я сам видел, вчера. Твой предшественник покинул нас в середине смены, и мы впятером едва успели добраться до сумерек на базу. Сейчас полный комплект, но ты ещё новичок, так что не зевай – не хотелось бы повторить вчерашнюю смену.

Он рассмеялся, взглянув в побледневшее лицо Олега.

– Ладно, не бойся, всё будет хорошо. Мы тебя прикроем, но учись поскорее.

За неделю Олег вполне освоился и втянулся в работу. Шли вперёд тесной группой, страхуя друг друга. При этом соблюдался строгий порядок следования. Впереди Юрка и Андрей, «сапёр» и его охранник. «Сапёр» с помощью щупа обнаруживает в траве колодцы-ловушки и обезвреживает их, выжигая лучеёмом окружающую почву до формирования сплошной земляной «крышки», а охранник прикрывает сапёра от нападения со стороны деревьев – сбивает наливающиеся почки, а если не успеет, то отстреливает летящее лассо. Кроме того, обнаруживает и выжигает пропущенные ловушки.

– Учти, что ловушки они обнаруживают практически все, но не все. Так что смотри под ноги очень-очень внимательно, – учил его Виталий. – Над ловушкой трава светлее. Смотри!

Он указал дулом лучеёмта, и Олег, взглядевшись, различил в зелени пятно другого оттенка. Виталий выстрелил – и пятно взорвалось, обнажив круглую дыру, которую лучеёмт залечил в режиме непрерывного разряда. В траве вспучилась новая «крышка».

Но пропущенные ловушки попадались редко, и основная задача «лесорубов», Виталия и Олега, заключалась в сжигании лучеёмтами деревьев, а потом и травяного покрова между ними. Чуть позади по выжженной земле шли Сергей и Макс, страхуя остальных от нападения сбоку: деревья

по бокам просеки непрерывно отращивали агрессивные почки. Пару раз лассо почти долетали до Олега – но охранники успевали их сбить.

С каждым днём работать становилось легче, и Олег с удовольствием поглядывал на наливающиеся мускулы. Теперь бригада приходила на очередную базу задолго до сумерек, и после ужина оставалось достаточно времени для отдыха и просто общения. Олег познакомился со всеми, узнал их жизненные истории, как и они его. Специальности у всех были разные, но дорога сюда одна: крушение жизненных планов, период выживая, период бессильного гнева и безрезультатных поисков выхода и, наконец, безразличие. Потом появление Скаута и «подписание» контракта. Его новые товарищи отрабатывали свой первый контракт и не заглядывали в будущее: просто делали дело в окружении близких по духу людей. Для начала этого хватало, а о конце никто особо не задумывался: доживём – увидим. Из их бригады один только Андрей «дожил» и сейчас заканчивал уже второй свой контракт.

Все они нравились Олегу как надёжные соратники и приятные компаньоны, но по-настоящему сблизился он только с Виталием. Хотя Олег был лет на двадцать старше, разница в возрасте совершенно не чувствовалась. Иногда он называл своего напарника Виталиком – но только не на трассе. В «прошлой жизни» Виталик кончил факультет журналисти-

ки МГУ. Когда он вернулся в родной город и столкнулся с реальной работой в местной газете, то вначале приуныл, а потом с товарищами организовал свою газету. Она пользовалась всё возрастающим успехом – до определённого предела, когда городские власти заметили непорядок и завели несколько уголовных дел о «хищении» и «пропаганде». Выбравшись из судебного болота без копейки в кармане, Виталий подрабатывал то уроками, то грузчиком, и постепенно терял все иллюзии.

– Знаешь, единственное, что спасало – я стал писать рассказы и стихи. Для себя, в стол, но очень помогало. Потом случилась эта осень, и эта зима, похожая на осень; они меня доконали. Я вообще не люблю осень, я люблю весну. В этом году я её не дождался – Скаут нашёл меня под февральским дождём... Конечно, я согласился: весну, похожую на осень, я бы точно не вынес. Теперь вспоминаю настоящую весну по своим стихам. Вот, послушай.

И он стал негромко декламировать. Олег вначале не очень прислушивался, только отметил, что поэты совершенно не умеют читать собственные стихи, независимо от их качества – это он обнаружил еще в институте, потому что многие его институтские приятели баловались стихами. Всё же Виталик был другом, и Олег сосредоточился.

– ... А это вот появилось уже здесь.

И Олег, уже не обращая внимания на особенности авторской декламации, начал воспринимать сам текст:

*Полупрозрачные деревья в силуэты,
Предчувствиями полнятся сердца.
Еще возможны заморозки. Лето
Маячит впереди как трость слепца.*

*Такое время раз в году бывает –
Так чист и совершенен каждый лист.
То тишь стоит, то грозы налетают,
И хоть на время воздух свеж и чист.*

Его внезапно охватила тоска по Земле и, взглянув в лицо Виталия, он увидел ту же тоску, только сильнее, гораздо сильнее. Он испугался за друга.

– Послушай Виталик, – мягко сказал Олег. – Ведь мы же здесь не навсегда. Тебе вообще остался только месяц. Скоро увидишь Землю, и настоящую весну увидишь тоже. А потом и я прибуду, и пойдём мы с тобой в поход. По нашим подмосковным лесам, с палаткой. Искупаемся, порыбачим... А можем к морю съездить. Или даже к океану. Только закончим своё дело здесь.

– И что это за дело? – с внезапной злостью спросил Виталий. – Ты можешь мне объяснить, чего ради мы так стараемся? Для кого? Уж точно не для местных. Мы для них захватчики, паразиты.

Олег был ошарашен:

– Ты что несёшь? Какие «местные»? Где ты видел здесь разумных?

– Если я не видел, это не значит, что их нет. И вообще, даже если тут нет никого, кроме деревьев, это их планета, и они показывают нам своими ловушками, что мы тут лишние, что мы убиваем их. Пока только просеками, но ведь этим не ограничимся, дороги – только начало. И скажи, партнёр, много разума ты наблюдал у земных так называемых «разумных». Тех, которые убивают сами себя? Губят собственную планету?

– Интересная точка зрения. Надо обдумать. Но только не сейчас, Виталик. Сейчас надо спать. Сам знаешь, как это бывает с недосыпу: зазевался – и всё... Со скоростью свиста.

Виталий хохотнул, улёгся закинув руки за голову, и вскоре Олег услышал его ровное дыхание. Сам он ещё долго не мог заснуть, обдумывая услышанное. Ай да Виталик, ай да журналист-неудачник!

На следующий день Виталий попал в ловушку. Олег с утра предчувствовал недоброе: уж больно беспечен был партнёр, как-то ненормально весел. Олег отвлёкся на несколько секунд, сжигая очередное «дерево», а когда оглянулся на короткий вскрик Виталия – того уже не было, только дыра в земле. Подошли Андрей и Юрка, Сергей с Максом остались на страховке. Постояли молча. Потом Андрей выжег зияющую ловушку (Олег едва удержался остановить его, как буд-

то Виталик мог появиться оттуда, как чёртик из-под земли) и скомандовал перестроиться. Сергей встал в пару с Олегом, а на долю Макса выпало охранять их всех с боков просеки. И он справился, хотя ближе к концу едва не упустил лассо, летящее прямо в него.

На базу они ввалились уже в сумерки. Олег краем глаза успел заметить огоньки в лесу, прежде чем дверь захлопнулась. Ему ещё хватило сил принять душ и поужинать в столовой, а вот Макс, скинув у входа комбинезон и оружие, сразу свалился в койку. Ужин ему принёс Андрей, и Олег со своей койки мог видеть руку Макса, которая ходила ходуном, удерживая кружку, и слышал, как они оба тихонько смеялись над этим.

Все вымотались до предела и быстро уснули, а Олег просто лежал на койке и вспоминал. Нет, Виталий был не похож на самоубийцу, скорее на человека, которому на всё наплевать, потому что впереди его не ждёт ничего особо привлекательного. Отключение инстинкта самосохранения – вот что это было. Наверное, он не верил, что вернётся на Землю, Или не хотел возвращаться? Этот странный разговор о паразитах... Вина перед Лесом? Комплекс завоевателя? Чушь какая! Не надо было прерывать разговор, наверное. Да еще упоминанием о ловушке. Нет, Олег не чувствовал себя виновным в гибели друга – каждый из них мог погибнуть в лесу в любую секунду, он просто чувствовал, что они не дого-

ворили. И ещё – он тосковал по Виталику. Так давно он ни по кому не тосковал... И так давно не включал мозги, если честно. А ведь было о чём задуматься!

Он спал беспокойно и проснулся от тихого голоса Андрея сверху.

– Да. Виталий.

– Нет, в середине смены, но ребята всё равно вымотались. Можно прислать сегодня?

– Ну хорошо, жду завтра.

«Он имеет связь со Скаутом, – подумал Андрей. – Наверное, что-то вроде смартфона или, скорее, простой телефон. Мне бы тоже хотелось задать вербовщику парочку вопросов». Когда, судя по дыханию, Андрей заснул, Олег встал и заглянул на верхнюю койку. Андрей лежал лицом к стенке, подушка сдвинулась к самому краю, а её уголок был приподнят. Олег осторожно всунул в щель пальцы и «есть!» вытащил плоскую коробочку. Андрей не пошевелился. Олег прошёл в столовую и осмотрел находку.

Да, это был телефон. Очень простой: только кнопки со значками вызова и ответа. И еще одна большая красная кнопка без значка. Он нажал вызов.

– Привет, Олег. Ждал, что ты позвонишь.

– Почему?

– Потому что Виталий был твоим другом. Ведь так?

– Так. Но звоню не поэтому. Мой друг (он сглотнул – по-

чему-то не мог назвать имени), он задал мне в последний вечер один вопрос, и я хочу переадресовать его вам.

– Задавай.

– Что мы здесь делаем? Ваша версия об освоении необитаемой планеты не прокатывает. Во-первых, планета не кажется необитаемой, а тогда – что мы здесь делаем? Во-вторых, не похоже, что мы прокладываем дорогу. Дороги ведут куда-то, а наша просека, похоже, никуда. Я спрашивал у Андрея карту. Но у него нет карты, и его это вообще не интересует. Похоже, человек нашёл себя здесь. Вы знаете, что он собирается на третий срок?

– Знаю. Андрей, действительно, прирождённый командир. Дай ему команду и задание потруднее, и он счастлив, без лишних вопросов. Ведь так?

– Так. Но Андрей – не я. У меня есть вопросы.

– Попробуй ответить на них сам.

– Это эксперимент? Но каковы его цели? Я не давал согласия быть подопытным животным!

– В какой-то степени эксперимент. Но только в какой-то. И вы не животные.

– Не увиливайте от ответа!

– Ответ ты должен найти сам. Если сможешь.

– Понимаю. Чистота эксперимента. Всего хорошего, экспериментатор!

– Подожди! Не злись. Это не эксперимент. Ты и сам скоро поймёшь – ты же умный, или я ошибаюсь?

Олег со злостью нажал отбой и вышел из столовой. Он сел на свою койку и посмотрел на спящих товарищей, на пустую койку напротив.

– Поговорил? Теперь спи, – неожиданно сказали сверху. – Отдай телефон и ложись. Завтра будет трудный день: узнаешь, как работать впятером полную смену.

Олег без возражений протянул Андрею телефон и залез под одеяло. Долго ворочался, но в конце концов заснул. Снился ему Виталий – друг читал свои стихи и утешал: «Не горюй партнёр, я жив. И ты тоже выйдешь на свободу (он хихикнул) с чистой совестью. Подумай о ночных огоньках, о ночных...» Голос постепенно слабел, и конец фразы разобрать было уже невозможно. Потом Олег провалился в глубокий сон, без сновидений.

Утром он проснулся до побудки, проснулся с почти готовым ответом. Так случалось с ним и раньше, когда он ещё занимался наукой: вечером просто загружаешь мозги проблемой и кучей информации к ней – а утром готов ответ или хотя бы виден путь к ответу. Так и сейчас. Ответ почти созрел, нужен лишь небольшой проверочный эксперимент. Но с экспериментом придётся подождать, пока он не обучит новичка, как Виталик обучал его. Тогда он сможет рискнуть – бригада справится денёк и впятером.

Он с удовольствием потянулся, растягивая приятно ноющие мышцы. Удивительно! Никогда ещё Олег не чувство-

вал себя таим живым. По крайней мере, с тех пор как закрыли лабораторию. Его пробежки по парку – что это было как не судорожное сопротивление цепенеющему приближению смерти? Здесь он воскресил своё тело, и сделал это не в одиночку, а в команде, которая действовала как отдельное целеустремлённое тело. Здесь он нашёл друга – и потерял его, и эта потеря окончательно оживила душу и разбудила мозг. Теперь он почувствовал своё тело и осознал себя, и в результате увидел свою цель и готов был действовать. Интересно, последовательность «тело-чувства-разум-действие», она частная или общая? Надо будет проверить. Но это потом, когда он вернётся.

Новичок оказался хорош – через неделю он заработал в полную силу, и при этом лучше Олега. Можно было начинать задуманный эксперимент.

Дождавшись, когда все уснули, Олег осторожно поднялся с койки. Собственно, особой осторожности не требовалось: Олег теперь спал чутко и знал, что почти каждую ночь кто-то вставал и шёл в санитарный отсек отлить или в столовую, наоборот, попить. Разумеется, он не стал одеваться (чёрт его знает, насколько крепко спит Андрей!) и прошёл в столовую как был, в трусах и майке. Закрыв за собой дверь, он не стал прибавлять свет, а сразу же подошёл к выходу. Приложил ладонь – дверь открылась.

В первый раз Олег увидел ночной Лес. Там было даже

светлее, чем в столовой, потому что деревья слабо флуоресцировали, а в небе сияли две луны, заливая бледным светом и Лес, и просеку. Впервые Олег без неприязни смотрел на дело рук своих: серебристая река струилась перед ним там, где они прорубались днём, сжигая всё на своём пути. Олег прикрыл дверь столовой и застыл, вглядываясь в деревья, которые уже начали отращивать почки – но как-то нерешительно, словно принюхиваясь, словно ожидая ответного удара. Он стоял спокойно и почти не удивился, когда почки стали втягиваться обратно. Тогда Олег побежал по просеке, постепенно наращивая скорость – серебряные струйки пепла взвивались в воздух при каждом ударе его ног.

Он хотел вернуться на предыдущую базу, потому что не верил в предложенную ему версию прокладки дороги. Он не верил, что встретит там бригаду «оградителей», якобы следующую за их бригадой. Скорее всего, база окажется пустой или – вот на это Олег и надеялся – он встретит там Скаута или кого-то из его компании. Кого-то, кто сможет и захочет объяснить ему всё, в том числе и зачем погиб Виталик. Или не погиб? Он запрещал себе думать об этом, но... «предчувствиями полнятся сердца», и он ничего на мог с этим поделать.

Километра через три Олегу показалось, что просека становится уже, а еще через пару километров он убедился в этом. Лес залечивал нанесённую рану, и делал с быстротой, немыслимой для его земного собрата. Олег продолжал бе-

жать вперёд гадая, что ему делать, если просека сомкнётся прежде, чем он достигнет базы. Так оно и случилось. Олег растерянно остановился перед сплошной стеной деревьев, когда до базы, по его расчётам, оставалось не больше километра. Он стоял, раздумывая, пробиваться ли через лес к старой базе или вернуться назад, и уже склонялся к первому варианту, когда вспомнил о ловушках-колодцах. Да, почки не реагировали на безоружного, но как насчет колодцев? Они стационарные или появляются только как элемент защиты? Если они снова открылись при восстановлении леса, то пройти этот километр он не сможет, потому что различить оттенки травы при таком освещении практически невозможно.

Олег уже решил рискнуть и двинулся к кромке леса, когда из-за деревьев замелькали, приближаясь, огоньки. Он резко остановился, выжидая. Огоньки тоже остановились, и из леса вышел человек.

Скаут подходит к Олегу, улыбается и спрашивает:

– Ну что, ты готов вернуться домой?

– Готов! – отвечает Олег и бьёт в подставленную ладонь.

Он сидит на той же скамейке. «Ничего себе, мощный какой сон приснился. Может, переквалифицироваться в писа-

тели?» Олег открывает глаза и видит то же, что и перед тем, как уснул – свои ноги в заляпанных весенней грязью кроссовках. Обувку он узнаёт, но вот ноги... Когда это они были такими мускулистыми? Разве что в молодости, когда он играл в институтских командах с мячами всех видов: баскетбол, волейбол, футбол. В последующие годы, целиком погрузившись в науку, он поддерживал физическую форму, это так, но с единственной целью – сохранить крепость тела чтобы голова оставалась ясной, и чтобы возрастные болезни не мешали его работе. И вот он опять видит свои молодые ноги и – он напрягает бицепсы – молодые руки. Здорово! Он впервые с детства с восторгом вглядывается в ликующую весеннюю зелень и, наглядевшись, вслух выражает свою радость: «Такое время раз в году бывает – так чист и совершенен каждый лист». И осекается. Что за стихи? Он никогда раньше не увлекался поэзией. Правильно, это не его стихи, они вообще не отсюда...

Значит, не сон. Значит, эти три месяца он, действительно, провёл в составе бригады и каждый день работал, как бешеный. Правда, в основном мускулами и рефлексам. Но и головой тоже – он ведь понял в конце, что происходит. Тренировочный лагерь. Не для всех, конечно, а для тех, кто не смирился, кто сможет и захочет действовать, чтобы спасти себя, свою страну, свою планету. В таком вот порядке. Кто-то поставил его с ног на голову – и снова на ноги. Неважно – кто (с этим можно будет разобраться потом), главное – ре-

зультат. Результат его устраивал.

Он смеётся, и так странно звучит этот смех в безлюдном парке, что уже направляющиеся к его скамейке полицейские меняют курс и проходят мимо. Он их почти не замечает, переглядываясь с белочкой, снующей вверх-вниз по берёзке напротив, очевидно, в ожидании угощения. Она выглядывает из молодой листвы то с одной стороны белого ствола, то с другой стороны, и это так забавно, что Олег не может сдержать смех. Отсмеявшись, он легко поднимается и быстрым шагом идёт по тропинке, выводящей из парка. Хватить бегать. Пора собирать команду.